

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет)
Юридический институт
Кафедра «Уголовного, уголовно-исполнительного права, криминологии»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
заведующий кафедрой,
к.ю.н., доцент

_____ И.М. Беляева
_____ 2017 г.

**Преступление и его признаки в российском и зарубежном
уголовном праве**

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ФГАОУ ВО «ЮУрГУ» (НИУ) –40.03.01.2017.477ВКР

Руководитель работы,
доцент кафедры
_____ Н.И.Щипанова
_____ 2017 г.

Автор работы,
Студент группы Ю – 477
_____ А.В.Диденко
_____ 2017 г.

Нормоконтролер, преподаватель
_____ Д.В. Бирюкова
_____ 2017 г.

Челябинск 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
1 РАЗВИТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИИ	
1.1 Историческое развитие понятия преступления в российском и зарубежном уголовном праве	9
1.2 Разграничение понятия преступление, правонарушение и проступок	21
Преступление и малозначительность деяния.....	
1.3	27
2 ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	
2.1 Признаки преступления в российском уголовном праве	42
2.2 Признаки преступления в зарубежном уголовном праве	58
2.3 Практические проблемы определения признаков преступления	64
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	77
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	80

ВВЕДЕНИЕ

Дефиниция преступления является одной из важнейших в системе институтов уголовного права. Данное понятие носит исторически изменчивый характер, но имеет и постоянные, основополагающие критерии. Исторический характер преступления заключается в том, что оно появляется на определенной стадии развития человеческого общества, что его содержание меняется со сменой общественно-экономических формаций, а конкретные условия развития государства и задачи перед ним стоящие, определяют в разное время различную опасность конкретных преступных деяний.

Длющийся в Российской Федерации свыше двадцати лет сложный по своим социально- политическим, экономическим, правовым последствиям процесс преобразования отечественной государственности потребовал коренного изменения содержания законодательства.

Для успешного формирования демократического, правового государства необходимо (как одно из условий) формирование такого законодательства, которое способствовало бы как обеспечению охраны личности, общества, государства от преступных посягательств, так и реализации прав, свобод и законных интересов личности. Понятие преступления, являясь ключевым, призвано обеспечить охрану публичных и частных прав, свобод и законных интересов физических лиц, организаций, государства, муниципальных образований.

Российской наукой за последние сто лет сделан ряд значимых шагов в направлении изучения содержания понятия преступления. Традиционно этой проблеме уделялось большое внимание, и в связи с этим были изданы монографии и учебные пособия, защищены диссертации, появлялись научные статьи. Понятие преступления обсуждается через идею конкретизации его признаков, соотношения понятия преступления и состава преступления, при

этом применяются различные подходы к исследованию, например, с точки зрения философии права и т.д.

Ценным представляется исследование зарубежного законодательства, сформировавшегося в различные исторические промежутки времени. Его сопоставление с российским опытом дает возможность обозначить место российского права в мировой системе права. Благодаря таким исследованиям можно выявить основные тенденции в развитии законодательства о преступлении в различных правовых системах. История отечественного и зарубежного законодательства в области преступления поучительна, так как она позволяет увидеть ошибки, противоречия или достоинства конкретных решений, способствует совершенствованию норм о преступлении.

Предмет исследования образуют нормы действующего уголовного законодательства, а также нормативные акты историко-правового содержания, научно-монографический и учебный материал, характеризующие ход и содержание развития представлений о преступлении, а также данные социологических исследований, статистическая информация, материалы предварительного расследования и судебного рассмотрения по конкретным уголовным делам, отражающие практический ракурс изучаемой проблемы.

Целью исследования является комплексный анализ проблем определения понятия преступления и его признаков и их адекватного отражения в понятийной форме.

Задачи работы:

- рассмотреть историческое развитие понятия преступления в российском и зарубежном уголовном праве;
- проанализировать разграничение понятия преступления, правонарушение и проступок;
- дать характеристику малозначительности деяния;
- проанализировать признаки преступления в российском уголовном праве;

- проанализировать признаки преступления в зарубежном уголовном праве;

- обозначить практические проблемы определения признаков преступления и предложить пути их решения.

Методологической основой исследования является диалектический метод познания. Был использован комплекс частно-научных методов: историко-правовой, (сравнительно-правовой, системно-структурный, приемы формально-логического характера.

Нормативно-правовой базой исследования стали положения, закрепленные в международных и зарубежных нормативных актах, Конституции Российской Федерации, отечественное уголовное и административное законодательство.

Дипломная работа состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения и библиографического списка.

1 РАЗВИТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

1.1 Историческое развитие понятия преступления в российском и зарубежном уголовном праве

Если попробовать отследить историю формирования определения правонарушения, то надо заметить, что на разнообразных периодах существования Российского государства определение криминального определялось всевозможным образом.

Арабские источники, летописи, соглашения с Византией разнообразным образом устанавливают понятие криминального: «проказа», «сгрешение», «злое дело»¹, все же в литературе принято полагать, что первая попытка установить криминальное произведена в Русской Правде (X в.).

Правонарушение по Русской Правде определялось не как нарушение закона или княжеской воли, а как «обида», т.е. нанесение нравственного или вещественного урона частному субъекту или группе субъектов со стороны, вероятно, частного же субъекта².

Уголовное злодеяние не отграничивалось в законе от гражданско-правового, хотя имеется мнение, согласно которому такое отграничение прочерчивалось довольно ясно, просто исполнялось синхронное применение двух форм ответственности криминальной и гражданской³.

Определение правонарушения в Псковской Судной грамоте (1467 г.) существенно видоизменилось по сравнению с Русской Правдой. Теперь

¹Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Р-н-Д., 1995. – С.308.

²Исаев И.А. История государства и права России: Полный курс лекций. – М.: Юрист, 1994. – С.16.

³Российское законодательство X – XX веков: Законодательство периода становления абсолютизма. В 9-ти томах. Т. 1 / Под общ. ред.: Чистяков О.И. – М.: Юрид. лит., 1986. – С.21-22.

криминальными считаются не только покушения на человека, его лицо и имущество, но и иные воспрещенные законом поступки, в том числе устремлённые против государства и его органов¹. Однако Псковская Судная грамота не ведала особенных терминов для определения понятия криминального. По суждению В. А. Рогова, гражданско-правовому богатству Псковской Судной грамоты сопровождает уголовно-правовая скудость.

Как полагает В. А. Рогов, наиболее усвоенной частью средневекового криминального права являются конкретные виды правонарушений². И первым, наиболее значительным центром уголовно-правовых норм указанного этапа надлежит признавать Судебники 1497 и 1550 гг.

Но, несмотря на то, что для времени Московской Руси крайне тяжело выделять отчетливое определение криминального (термины «удалое дело» и «кража» владеют достаточным уровнем условности), всё-таки, термин «удалое дело» совершенно достаточен для главного понимания. Именно «удалое дело» как терминологическое обозначение криминального предполагает тяжёлое криминальное действие с уроном для интересов государства. Им оперировали и в XVII в., однако в этот этап тяжёлые правонарушения чаще обозначали термином «кража», в первый раз зафиксированном в Судебнике 1589 г. Кража означала причинение двоякого урона государству: политического и имущественного. Со временем случилось передвижение этого понятия в область имущественных покушений³.

Под правонарушением Соборное Уложение царя Алексея Михайловича Романова (1649 г.) понимало «неповиновение царской воле, нарушение указаний».

¹История государства и права СССР: Учебник. Ч.1./ Под ред. О.И. Чистякова, И.Д. Мартысевича. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – С.64.

²Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV-XVII вв. – М.: Юрист, 1995. – С.5.

³Рогов В.А. История государства и права России IX – начала XX веков. – М.: МГИУ, 1995. – С.226.

Артикул Воинский 1714 г. замещает характерный для Соборного Уложения 1649 г. термин «кража» на «правонарушение». Правонарушение обозначает, главным образом, нарушение закона. К примеру, в одном из указов 1714 г. предусмотрено: «Многие, якобы оправдав себя, говорят, что сие не запрещено было, не рассуждая того, что все то, что урон и ущерб государству приключить может, суть правонарушение»¹.

Под правонарушением в Уложении о карах криминальных и исправительных 1845 г. уяснялось: «Каждое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и определённых ею властей или же на права и безвредность общества или неофициальных субъектов»².

Уголовное уложение 1903 г. в первой главе «О криминальных действиях и возмездиях вообще», в отделении первом «Общественные положения» устанавливало понятие злодеяния следующим образом: «Криминальным признается действие, запрещенное во время его учинения законом под боязнью возмездия»³.

В Возглавляющих началах по криминальному праву РСФСР от 12 декабря 1919г. в параграфе третьем «О правонарушении и возмездии» в пункте пятом правонарушение зачисляется следующим образом: «Правонарушение есть нарушение режима коллективных взаимоотношений, сохраняемого криминальным правом»⁴.

Статья 6 УК РСФСР 1922 г. устанавливала: «Правонарушением признается всякое общественно опасное действие или пассивность, угрожающее основам

¹Российское законодательство X–XX веков: Законодательство периода становления абсолютизма. В 9-ти томах. Т. 4 / Под общ. ред.: Чистяков О.И. – М.: Юрид. лит., 1986. – С.320.

²Там же. Т.6. – С.174.

³Там же. Т.9. – С.275.

⁴Хрестоматия по истории отечественного государства и права, 1917 – 1991 гг. / Под ред.: Чистяков О.И. – М.: Зерцало, 1997. – С.64.

советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю этапу времени»¹.

О том, что правонарушение посягает на советский строй или правопорядок, установленный рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период говорила и статья 6 УК РСФСР в редакции 1926 г. «Общественно опасным признается всякое действие или пассивность, направленное против советского строя или нарушающее правопорядок, установленный рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени»².

Примета незаконности, на которое имелось только скромное свидетельство в определении, приносимом Возглавляющими основами по криминальному праву 1919 г. безусловно пропадает в дефиниции, даваемом первым советским криминальным кодексом, что, бесспорно, явилось «зеленым светом» для законодательного оправдания аналогии.

Опять признак незаконности возникает только в Основах криминального законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., в статье 7³.

В последнем советском Уголовном кодексе 1960 г. понятие правонарушения определялось следующим образом: «Правонарушением признается предусмотренное криминальным законом общественно серьезное деяние (действие или пассивность), посягающие на общественный строй СССР, его политическую и экономическую системы, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права и свободы граждан, все формы собственности, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок общественно серьезное деяние, предусмотренное уголовным законом»⁴.

¹Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917-1991 гг. – С.73.

²Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1 / Отв. ред.: Беляев Н.А., Шаргородский М.Д. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – С.157.

³Основы законодательства Союза ССР и союзных республик. – М.: Юрид. лит., 1983. – С.277.

⁴Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960. – М., 1996. – С.6-7.

Несложно увидеть, что помимо не демократичности, данное формулирование страдает очевидной громоздкостью. К этому приводит попытка перечислять в дефиниции все оберегаемые криминальным законом интересы (ценности).

Совместно с тем надо заметить, что наравне с законодательными дефинициями правонарушения в России, со второй половины XIX в. стали возникать теоретические определения правонарушения, развиваемые доктриной криминального права.

К примеру, в 1875 г. в своем Простом учебнике всеобщего криминального права А. Ф. Кистяковский устанавливает правонарушение как «нарушение закона, определённого для оберегания безвредности и благосостояния граждан, нарушение юридически вменяемое производимое посредством наружного позитивного или негативного воздействия, по характеру своему заключающееся или из силы, или лжи или неаккуратности»¹.

В 1912 г. С. В. Познышев подает следующее понятие криминального действия: «Правонарушение, в обширном смысле этого слова, есть незаконное и вменяемое покушение на сохраняемый криминальным законом объект»².

В. Д. Спасович, давая характеристику правонарушению, находил его как действие, воспрещенное законом под боязнью возмездия.

При всей разнице приведенных дефиниций правонарушения их связывает один основной момент, все они выражены под бесспорным воздействием постулатов нормативной теории права, приобретшей основательное формирование в указанный этап в России³. В связи с этим все дефиниции можно выделять по признаку формальности (т.е. только лишь

¹Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Т.1. Общая часть. – Киев, 1875. – С.47.

²Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. – М.: Издательство А.А. Карцев, 1912. – С.117.

³Лясс Н.В. Нормативная теория в современном буржуазном уголовном праве. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – С. 49.

недозволенности или предусмотренности криминальным законом). Что же касается материального признака правонарушения («катализатора» коллективной серьезности), то, к примеру, Л. С. Белогриц-Котляревский, в начале 20 века вообще отвергал вероятность дать материальное понятие правонарушения, в силу того, что оно напрямую зависит от таких неустойчивых категорий, как конкретная историческая обстановка¹.

Хотя, по мнению А. В. Наумова, Н. С. Таганцев в конце прошлого века практически вплотную подошел к материальному понятию правонарушения, определив его как: «... деяние, посягающее на такой охраненный нормою интерес жизни, который в данной стране, в данное время признается столь существенным, что государство ввиду недостаточности других мер защиты угрожает посягавшему на него возмездием»².

Старания установить представление криминального в доктрине предпринимались и советскими исследователями в сфере криминального права. Так, Н. Д. Дурманов в 1948 г. устанавливал правонарушение как: «социально тяжёлое воздействие или пассивность, уголовно-противоправное, вменяемое, виновное и наказуемое по закону»³.

А. А. Пионтковский в 1952 г. давал определение правонарушения как «серьёзного для социалистического государства или социалистического правопорядка, незаконного, виноватого, наказуемого поступка или пассивности»⁴.

С начала советского этапа формирования криминального права значительная роль с идеологической точки зрения придавалась органическому обоснованию его классовой сути, как праву новейшего исторического образа –

¹Гонтарь И.Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве: Вопросы теории и правотворчества. – Владивосток, 1997. – С.20.

²Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. – М.: БЕК, 1996. – С.120.

³Гонтарь И.Я. Указ. соч. – С.33.

⁴Гонтарь И.Я. Указ. соч. – С.33.

праву социалистического государства. При этом в качестве аксиомы объявлялось, что «криминальное право как правовая конфигурация объединения государственного принуждения в войне с преступностью всегда имеет классовый характер»¹. Типичным было и диаметрально противоположное классового содержания советского криминального права буржуазному, причем как в едином, так и относительно некоторых институтов. Совсем прав, на наш взор, А. В. Наумов, считающий, что, к примеру, определение правонарушения в нынешнем мире не носит классового характера, однако при этом он не исключает классовости правонарушения на установленных периодах созревания человеческого общества.

В 1961 г. А. А. Пионтковский в своей работе «Учение о правонарушении по советскому криминальному праву», аргументируя классовую суть правонарушения, по-видимому, во многом внезапно для себя самого, прибывает к выводу о том, что общественную природу правонарушения в социалистическом обществе нельзя охарактеризовать как классово серьезную. По верному суждению ученого, это могло дать предлог к неверным выводам о том, что всякое правонарушение прямо грозит классовым интересам, и что любой злоумышленник является классовым неприятелем. Общественно правовую природу правонарушения, преимущественно, нужно обуславливать через признак коллективной серьезности, ибо каждое правонарушение, преимущественно, грозит интересам всего общества в едином. Гипотеза же о том, что правонарушение не является классовым определением, а, следовательно, не является ни общественно неустойчивым, ни временным явлением, с неотвратимостью приведет к выводу о том, что правонарушение есть бессмертное явление. Именно это логическое продолжение вышеуказанного вывода, которое сам ученый производить не стал, но которое

¹Курс советского уголовного права. Указ. соч. – С.8.

следовало из выраженных им выводов, породило критику со стороны, в частности, С.А. Домахина¹.

УК России 1996 г. в ст. 14 устанавливает правонарушение как «виновно произведенное социально тяжёлое действие, воспрещенное настоящим Кодексом под угрозой кары»².

В первый раз ст. 15 УК РФ было включено подразделение правонарушений в зависимости от уровня коллективной серьёзности на категории: правонарушения небольшой тяжести, правонарушения посредственной тяжести, тяжёлые и особо тяжёлые правонарушения. Чем дороже объект покушения, тем тяжелее кара.

Следовательно, нужно заключить, что в конце XX в. российской наукой криминального права и законодательной практикой сформировано довольно сносное определение правонарушения, не лишенное изъянов, однако являющееся «рабочим». При этом нужно заметить его большую похожесть с дефинициями, даваемыми в криминальных законах и науке криминального права в конце XIX в.

Что касается закрепления представления правонарушения в зарубежном криминальном праве, то во время абсолютизма в западноевропейском криминальном праве уже сформировалась система правонарушений. Возникнул принцип необходимости ответственности за частные виноватые воздействия злоумышленника и вместе с этим понемногу отмирал принцип беспристрастного вменения³.

Наиболее передовые принципы криминального права были укреплены в период Французской буржуазной революции в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. К примеру, принцип «нет правонарушения, не показанного

¹Там же. – С.155-156.

²Уголовный кодекс РФ: Федеральный закон от 13 июня 1996г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – 17 июня. – № 25. – Ст. 2954.

³Всеобщая история государства и права: Учеб. пособие / Под ред. К.И. Батыра. – М.: Былина, 1993. Ч. 1. – С. 151.

в законе» (ст. 7¹) засвидетельствован Декларацией прав человека и гражданина 1793 г. (ст. 10²).

Тем самым фиксировалась идея о надобности ограничения круга уголовно наказуемых действий и о регистрации в криминальном законе отчетливого понятия правонарушения, обозначилась отдаление от традиционно сформировавшихся взглядов на правонарушение, в соответствии с которыми монархи не связывали себя понятием правонарушения, их группированием, отчетливым определением составов правонарушений и другой конкретизацией криминального законодательства.

Исторически главным законодательным актом, предоставившим определение правонарушения, была Декларация прав человека и гражданина 1789 г. В ст. 5 характеризовалось материально-содержательное свойство любого преступления, а именно его вредность для общества. Она гласила, что закон вправе воспрещать только поступки, нездоровые для общества.

Во время Французской революции в связи с идеей о правах человека были видоизменены традиционные взоры на правонарушение.

Свои новшества якобинцы попробовали зафиксировать в ряде декретов. Так, в Декрете от 10 июня 1794 г. четко перечислялись деяния, за которые лица признавались врагами народа³; в Декрете против спекулянтов от 26 июля 1793 г.⁴ указывалось на поведение субъектов, которое называлось уголовным правонарушением – спекуляцией; в Декрете 17 сентября 1793 г. о подозрительных⁵ закреплялись те позиции, по которым лица объявлялись подозрительными.

¹Вопросы государства и права во французской буржуазной революции XVIII в. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – С. 151–153.

²Там же. – С. 181–185.

³Захер Я.М. Французская революция в документах. 1789–1794. – Л.: Прибой, 1926. – С. 359–362.

⁴Лукин Н.М., Далин В.М. Новая история в документах и материалах. – М.: Огиз ; Соцэкгиз, 1935. Вып. 1. – С. 184.

⁵Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента (1792–1794). – М., 1927. –

Французское криминальное законодательство этапа буржуазной революции восприняло прогрессивные политико-правовые учения Руссо, Монтескье, Робеспьера, Марата и иных выдающихся философов, к примеру, Монтескье одним из первых настаивал на том, что закон должен наказывать только внешние воздействия, признанные криминальными, но не мысли, не намерения.

В 1810 г. во Франции был ратифицирован новый Уголовный кодекс¹. По сопоставлению с современными ему английским, германским, австрийским криминальным правом, это очень передовой нормативный акт. Однако определения правонарушения с подтверждением его примет он не доставлял.

В Германии во время кодификационных работ, проводимых в связи с разработкой нового криминального кодекса, большое воздействие на творцов кодекса показывали взгляды представителей исторической школы права, к примеру, Савиньи, Гуго, Пухта. В 1871 г. был принят германский Уголовный кодекс, и с этого времени французское право в своем воздействии на европейское криминальное право начало утрачивать свои прогрессивные убеждения.

Так как в этот этап отмечался увеличение трудового движения и восторг революцией, то криминальное законодательство, конечно, отделилось от демократических элементов. К примеру, увеличивалось возмездие за политические правонарушения, составы правонарушений были выражены неконкретно, что повергало к притягиванию к ответственности невинных, и, в конце концов, отсутствовало понятие правонарушения с подтверждением на признаки правонарушения.

С победой буржуазной революции в Японии в конце XIX в. был принят новый Уголовный кодекс, который сначала воспринял нормы французского

С. 116–118.

¹Французский уголовный кодекс 1810 года. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. – С. 95–245.

Уголовного кодекса, а затем все же его разработчики остановились на германской модели уголовного права. Этот кодекс функционировал в Японии до начала Первой мировой войны.

Криминальное право США перенимало, хотя и в трансформированной форме, все английские правовые теории. К примеру, была воспринята английская система систематизации криминальных действий: предательство, криминальные правонарушения, наказуемые провинности. К началу XX в. в зарубежном праве так и не было выражено определение правонарушения, которое бы разрешало обнаружить отчетливые признаки криминального поведения и отличить его от непроступного. Имеющиеся дефиниции и систематизации объединялись лишь к одному критерию – возмездию.

Сравнивая нормы русского и зарубежного криминального права по осваиваемому вопросу, можно подметить, что к началу XX в. величина формирования криминального права наиболее цивилизованных стран был примерно одинаков. Надлежит подчеркивать, что совместно с эволюцией общества и переводом от одной социально-экономической формации к другой (родовые взаимоотношения, рабовладельческая, затем феодальная формации, дальше последовали буржуазные взаимоотношения) и в России, и за рубежом замечается видоизменение и в определении правонарушения, точнее, в том, каким классам вызвано служить это определение.

В Англии никогда не существовало криминального кодекса, хотя старания кодифицировать криминальное право предпринимались многократно в XIX и XX вв.

Понятие правонарушения, установленное в законодательном акте, в английском криминальном праве отсутствует. Однако оно подается в судебных решениях, причем применительно к конкретным его видам, и в литературных источниках по криминальному праву. Отсутствие целого

представления вызывает бесчисленные научные полемики о том, что же можно полагать правонарушением.

Одни авторы полагают, что правонарушение – это противоправное и наказуемое деяние; другие – антиобщественное и наказуемое деяние; третьи – противоправное, виновное (намеренное) и наказуемое; четвертые – запрещенное под угрозой наказания нормами уголовного права и т.д.¹

В США понятие правонарушения не фиксируется ни в федеральном законодательстве, ни в законодательстве большинства штатов, и лишь по некоторым тезисам можно выработать вывод о том, что два признака положены в основу признания поступка криминальным – противозаконность и наказуемость².

Ориентировочный Уголовный кодекс зафиксировал тезис: никакое поведение не составляет покушения, если оно не является правонарушением или нарушением по данному кодексу или другому статуту данного штата³. Правонарушения систематизируются на две группы: фелонии – наиболее серьезные покушения, мисдиминор – менее серьезные покушения. В основу такого разделения замышлены не только степень общественной серьезности, но и уровень возмездия.

В данное время в ФРГ действует УК 1871 г. с последующими видоизменениями и дополнениями⁴.

В УК ФРГ для обозначения криминального незаконного поведения применяется термин «действие». Незаконным почитается такое действие,

¹Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). – М.: Зерцало, 1997. – С. 60.

²Свод законов Соединенных Штатов Америки. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): Сборник законодательных материалов / Под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Омега-Л, 2001. – С. 63–96.

³Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: Учеб. пособие / Под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Омега-Л, 2003. – С. 121.

⁴Уголовный Кодекс Федеративной Республики Германии. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 66.

которое реализовывает состав правонарушения, предусмотренный уголовным законом¹.

1.2 Разграничение понятия преступление, правонарушение и проступок

Теория государства и права предлагает систематизировать злодеяния в подчинённости от их характера и тяжести для коллективных взаимоотношений, а также от характера используемых санкций на правонарушения и проступки. Проступки характеризуются меньшей по сопоставлению с правонарушениями уровнем коллективной тяжести и тянут за собой использование не уголовно-правовых санкций, а критериев административного, дисциплинарного или гражданско-правового влияния².

Видами проступков являются гражданско-правовые деликты, административные и дисциплинарные злодеяния. При отграничении злодеяний от иных правонарушений надлежит принимать во внимание ряд условий. Так, некоторые правонарушения покушаются на такие коллективные взаимоотношения, на которые иные преступления покушаться не могут (к примеру, жизнь человека, государственная безвредность). Характер общей тяжести, который определяется объектом покушения, разрешает причислить такие действия лишь к числу преступных. Тяжестей в размежевании злодеяний и иных правонарушений при этом не появляется.

Надобность установить меры размежевания криминалов и других правонарушений начинается при присутствии сопредельных (неодинаковых, а иногда аналогичных) действий, относящихся к разнообразным отраслям права, но покушающимся на один объект.

¹Епифанова Е.В. Теория преступления в российском и зарубежном законодательстве: Монография / Под ред. Н.А. Лопашенко. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2007. – С. 211.

²Общая теория права и государства: Учебник для вузов / под ред. В.С. Нерсесянц. – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2015. – С. 211.

К примеру, ответственность за нарушение правил дорожного движения предусмотрена как криминальным (ст. 264 УК), так и административным (ст. ст. 12.1 - 12.24, 12.28 КоАП¹) законодательством.

Уровень коллективной тяжести в эпизодах, когда они являются сопредельными, служит главным критерием, отличающим криминалы от иных видов правонарушений.

Злодеяния, сопредельные с административными правонарушениями, покушаются преимущественно на такие общие взаимоотношения, как режим управления, общий порядок и общая безопасность, общие взаимоотношения в области охраны природных богатств.

Так, И., являясь фармацевтом аптечного пункта, в нарушение должностной инструкции и приказов Минздравсоцразвития РФ № 785 от 14.12.2005 г. «О порядке отпуска лекарственных средств», № 578 от 13.09.2005 г. «Об утверждении списка лекарственных средств, отпускаемых без рецепта врача», три раза продала без рецепта врача лекарственный препарат «Меридиа», содержащий сильнодействующее вещество сибутрамин, лицам, исполнявшим роли покупателей в ходе проводимого сотрудниками УФСКН оперативно-розыскного мероприятия «испытательная покупка». Поступки И. были квалифицированы по ч. 3 ст. 30 и ч. 3 ст. 234 УК РФ как посягательство на противозаконный сбыт сильнодействующих веществ в крупной величине.

Тем не менее, в соответствии с законом уголовно наказуемыми являются только такие поступки, перечисленные в диспозициях частей 1-3 ст. 234 УК РФ, которые совершены без надлежащего дозволения, отпускаемого органами власти в целях регулирования оборота сильнодействующих веществ. Ответственность за противозаконную торговлю товаров (иных вещей),

¹Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 31 декабря. № 256.

свободное исполнение которых воспрещена или ограничена, предусмотрена ст. 14.2 Кодекса об административных правонарушениях РФ.

В тех случаях, когда нарушение правил выдачи сильнодействующих веществ привело к приходу социально тяжёлых результатов в виде воровства сильнодействующих или ядовитых веществ или приход другого значительного урона, деяния виноватых субъектов должны быть квалифицированы по ч. 4 ст. 234 УК РФ.

Аптечный пункт, в котором работала И., выполнял свою деятельность в соответствии с лицензией и имел право на реализацию препарата «Меридиа» по рецепту врача.

При таких условиях, в поступках И. отсутствует состав правонарушения, предусмотренный ч. 3 ст. 30 и ч. 3 ст. 234 УК РФ¹.

К правонарушениям, производимым в области должностных взаимоотношений - служебным и против военной службы, прилегают дисциплинарные проступки.

Как гражданско-правовые деликты, так и правонарушения против собственности объединены с нанесением имущественного урона личности, организациям и стране.

Урон верному функционированию человеческого общества, сформировавшейся системе коллективных взаимоотношений наносят как криминалы, так и иные правонарушения. Поэтому и те, и другие являются социально тяжёлыми. Однако уровень такого нездорового влияния может быть разнообразной.

Важнейшим показателем, устанавливающим уровень коллективной серьёзности произведенного действия, является нанесенный урон. Уровень нанесенного урона разрешает отграничить криминалы и иные

¹Обзор судебной практики Челябинского областного суда за первый квартал 2013 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chel-oblsud.ru>

правонарушения. Так, если употребление служебным субъектом своих должностных полномочий наперекор интересам повлечет важнейшее нарушение прав и законных интересов граждан, объединений, общества или страны в целом, его поступки квалифицируются по ст. 285 УК, а в случае отсутствия такого урона являются дисциплинарным проступком.

Самоуправство, нанёсшее важнейший урон гражданам или организациям, квалифицируется по ст. 330 УК, а при отсутствии значительного урона - по ст. 19.1 КоАП.

Субъективными условиями, устанавливающими уровень коллективной серьёзности, которые могут воздействовать на откладывание действия к числу преступлений, являются форма вины, мотив и цель.

Так, нанесение легкого и посредственной тяжести урона здоровью является уголовно наказуемым, если произведено намеренно (ст. ст. 112, 115 УК). В случае неосмотрительного совершения такого действия урон может быть возмещен в гражданско-правовом порядке (ст. 1085 ГК). Должностной подлог является уголовно наказуемым, если сделан из корыстной или иной частной заинтересованности (ст. 292 УК).

Еще одним признаком, отличающим криминалы от других правонарушений, является характер противозаконности. Злодеяния всегда противоречат криминальному закону. Иные правонарушения преступают нормы других отраслей права. Это могут быть не только законы, но и подзаконные нормативные акты¹.

Результатом совершения злодеяния является использование самой строгой критерия государственного принуждения - уголовного возмездия с последующей судимостью. Иные правонарушения сопутствуются менее

¹Рогова Е.В. Уголовный проступок в системе дифференциации уголовной ответственности. – Иркутск, 2011. – С. 77.

строгими мерами влияния. Отдельные из них, к примеру, штраф, арест как виды административных возмездий, по своему содержанию похожи с одноименными криминальными возмездиями, однако они не влекут судимости.

По вопросу размежевания злодеяния и проступков в иностранной теории сформировалось два направления: одни находят качественное отличие между правонарушениями и проступками, другие видят лишь чисто количественное или внешнее отличие. В английском праве властвующей является следующая точка зрения - правонарушения — это те действия, которые влекут, во-первых, криминальное судопроизводство, а, во-вторых, подлежат возмездию. В гражданском процессе происходит спор между двумя личностями, а в уголовном — между упрекаемым и короной. В гражданском процессе допустимы встречные иски и примирения сторон, в криминальном деле это без позволения короны не разрешается. Более жёсткие требования предъявляются в криминальном процессе, нежели в гражданском. Стало быть, в английском праве принципиальный вопрос о разнице правонарушений и проступков заменен вопросом об отличии между криминальным и гражданским судопроизводством.

Для нынешнего состояния проблемы размежевания правонарушений и проступков свойственно появление так называемых смешанных деликтов, т. е. таких, в санкциях за которые предусмотрено альтернативно либо уголовное, либо не уголовное, как правило, административное возмездие. Применение той или иной санкции составляет исключительную компетенцию суда. Рекомендация же надлежащей санкции устанавливает природу деликта: либо он правонарушение, либо не правонарушение. Так, п. 3 § 1 Закона от 2 марта 1952 г. «О покушениях против порядка» (ФРГ) гласит: «Если деяние стоит под угрозой или возмездия, или административного штрафа, оно в конкретных эпизодах является криминальным поступком, если наказывается

криминальным возмездием, или административным правонарушением, если наказываемся административным штрафом». Следовательно, вопрос о правовой природе поступка этим законом целиком отдан на свободное усмотрение судьи.

В данное время в ФРГ действует УК 1871 г. с последующими видоизменениями и дополнениями¹.

В УК ФРГ для обозначения криминального незаконного поведения применяется термин «действие».

Противозаконным считается такое действие, которое реализовывает состав правонарушения, предусмотренный криминальным законом.

Противозаконные действия распределяются на правонарушения и проступки, которые отличаются по употребляемой за их совершение санкции. Так, за правонарушение предусматривается возмездие в виде отнятия свободы на срок не менее одного года и более жёсткое возмездие. За провинности настанет приобретение свободы на более тесный срок или денежный штраф (Общая часть, разд. I «Уголовный закон», гл. 2 «Объяснение терминов», § 12 «Правонарушения и проступки»). Надлежит показать на формальный характер определение правонарушения.

По Французскому криминальному праву правонарушения и проступки не имеют места в случае отсутствия умысла на их совершение (ст. 121-3), но если закон это предусматривает, в случае неосмотрительности, невнимательности или намеренного поставления в тяжесть иного человека имеет место проступок (ст. 121-3)².

Градация криминальных действий реализуется по возмездию и тяжести совершенного действия. Она воздействует на подсудность. Так,

¹Уголовный Кодекс Федеративной Республики Германии. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 68.

²Рогова Е.В. Малозначительность деяния в зарубежном и российском уголовном законодательстве // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2012. - № 4 (47). – С. 44 – 48.

правонарушения рассматриваются судом присяжных, проступки – исправительным трибуналом, нарушения – полицейским трибуналом¹.

В Швейцарии правонарушение различается от проступка по употребляемой санкции. Так, правонарушением распознается такое криминальное действие, которое наказывается каторжной тюрьмой (ч. 1 ст. 9), а проступком – такое криминальное действие, которое подлежит возмездию тюрьмой в качестве наиболее тяжёлого (ч. 2 ст. 9). Кроме того, вторая часть Уголовного кодекса предусматривает третью группу криминальных покушений – нарушения, которые подлежат возмездию в виде взятие под стражу или штрафа или только одного штрафа.

Следовательно, надлежит указать три категории неправомерных действий: правонарушения, проступки, нарушения.

Криминальный кодекс зафиксировал постулат: нет правонарушения, если оно не оговаривается в законе (§ 1).

Криминальные действия систематизируются на правонарушения и проступки.

К правонарушениям в соответствии с разд. 2 «Систематизация криминальных действий» относятся те преднамеренные действия, которые караются бессрочным отнятием свободы или отнятием свободы на срок более трех лет. Все прочие криминальные действия являются проступками, в том числе и произведенные по неосмотрительности.

1.3 Преступление и малозначительность деяния

Вопрос о содержании малозначительности действия не причисляется к количеству новых. Все-таки, несмотря на то, что в теории криминального права к нему обращаются довольно часто, разбор судебной практики,

¹Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Там же. – С. 73.

проведение социологических исследований уверяют в том, что сложностей в правоприменении не делается меньше.

Идя из ч. 2 ст. 14 УК РФ под малозначительностью осмысливается деяние (пассивность), хотя формально и заключающее признаки какого-нибудь действия, предусмотренного криминальным законодательством, но в силу малозначительности не доставляющее коллективной серьезности. Следовательно, законодатель возбуждает обстановку, когда действие может быть признано криминальным, а может таковым и не очутиться.

Как определено судом, Хасанова И.М. и Скарбо Е.А. пробовали секретно украсть с территории хозяйственных строений пострадавшей Х. Ш.Х. одну утку и один кочан капусты, которые сразу же были отданы пострадавшей.

По представлению судебной коллегии содеянное Хасановой И.М. и Скарбо Е.А. не располагает приметам большой коллективной серьезности, которая разрешила бы распознать совершённое правонарушением.

Потому с учетом условий дела, величины урона, судебная коллегия полагает, что деяния Хасановой И.М. и Скарбо Е.А. хотя формально и заключают признаки правонарушения, предусмотренного ч.3 ст. 30 п. «а» ч.2 ст. 158 УК РФ, но в силу малозначительности не представляют коллективной тяжести¹.

В соответствии ч. 1 ст. 14 УК РФ социальная серьезность является стержневым признаком правонарушения, составляя его материальную суть. Без наличия социальной безвредности действие не может анализироваться как правонарушение, и законодатель укрепляет данный тезис посредством применения института малозначительности действия в криминальном праве. В этой связи необходимо заметить, что вопросу малозначительности действия в криминальном праве законодатель уделяет сравнительно немного внимания,

¹Апелляционное постановление по делу № 10-1161/2015 от 16 марта 2015 года // [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.chel-oblsud.ru>

назначая в ч. 2 ст. 14 УК РФ, что «не является правонарушением воздействие (пассивность), хотя формально и заключающее признаки какого-нибудь действия, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не доставляющее социальной серьёзности».

Внешне это элементарное выражение, однако, как в теории уголовного права, так и в правоприменительной практике призывает много неоднозначно заявляемых тезисов¹.

В кое-какой степени встречающаяся неотчетливость порождена тем условием, что ни в законодательстве, ни в судебной практике к данному моменту еще не сформировано более или менее четких ориентиров в том, что соотносить под малозначительностью действия и как этот признак употреблять при квалификации действий в правоприменительной практике.

Но в начальной редакции УК РФ (1996 г.) была другая, более обширная формулировка: «Не является правонарушением деяние (пассивность), хотя формально и заключающее признаки какого-либо действия, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не доставляющее коллективной тяжести, то есть не нанесшее урона и не организовавшее угрозы нанесения урона личности, обществу или страны».

Как заметно, в 1998 г. была отсечена единая разъяснительная фраза: «...то есть не нанесшее урона и не организовавшее угрозы нанесения урона личности, обществу или страны». Мы можем предположить, что такой шаг законодателя (по видоизменению формулировки ч. 2 ст. 14 УК РФ) был определен тем, что если деянием (пассивностью) не нанесен какой-либо урон коллективным взаимоотношениям, сберегаемым криминальным законом, то тогда вообще нет речи об уголовно-правовых взаимоотношениях и,

¹Винокуров В.В. Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы // Доступ из СПС Консультант плюс.

соответствующе, правоприменитель должен произвести заключение об отсутствии состава правонарушения.

Вместе с тем, и оставшаяся (ныне работающая) формулировка ч. 2 ст. 14 УК РФ требует вопросы. Так, соответственно ст. 8 УК РФ «основанием криминальной ответственности является совершение действия, заключающего все признаки состава правонарушения, предусмотренного настоящим Кодексом». Ни о каком «формальном содержании» таких признаков здесь нет речи, однако в ч. 2 ст. 14 УК РФ возникает институт «формального содержания» признаков правонарушения¹.

«Формальное содержание» признаков правонарушения обозначает, что наблюдаются все элементы состава правонарушения, а именно:

- а) объект правонарушения;
- б) объективная сторона правонарушения;
- в) субъективная сторона правонарушения;
- г) субъект правонарушения.

Иного истолкования допустить, на наш взор, нельзя. Но элементарная логика свидетельствует: если есть правонарушение, то лицо, его произведшее, должно быть привлечено к криминальной ответственности в соответствии ст. 8 УК РФ.

Сконцентрируем внимание, что ст. 8 УК РФ размещена в гл. 1 УК РФ «Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации», т.е. тут установлены основные, фундаментальные начала криминального закона, которым должны быть подвластны все остальные нормы УК РФ. Тем не менее, уголовный закон в ч. 2 ст. 14 УК РФ, расположенной в гл. 3 УК РФ «Понятие правонарушения и виды правонарушений», предписывает, что если даже у деяния есть все признаки правонарушения, но такое деяние «в силу

¹Цепелев В., Мартыненко Н. Малозначительность деяния в судебной практике и интересы потерпевшего // Уголовное право. – 2012. – № 3. – С. 71-74.

малозначительности» не представляет общественной опасности, то оно не квалифицируется как правонарушение, поскольку общественная опасность является, как отмечалось, базовым признаком правонарушения.

Тогда появляется вопрос: если действие не играет коллективной серьёзности, то как можно в отношении этого действия сообщать о наличии у него всех признаков состава правонарушения? В данном случае речь идет об объекте правонарушения. Общеизвестным является убеждение о том, что объект правонарушения - это то, на что устремлено покушение, чему наносится или может быть нанесен урон в итоге совершения правонарушения. Объектом правонарушения признаются существенные общественные ценности, интересы, блага, сохраняемые уголовным правом от криминальных покушений. В Общей части уголовного закона (ст. 2 УК РФ) дается обобщенный список объектов уголовно-правовой защиты. К ним причисляются права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный режим и коллективная безопасность, окружающая среда, конституционный строй Российской Федерации, мир и безвредность человечества¹. Если есть криминальное покушение, то наносится определенный урон соответствующему объекту правонарушения.

Если урон не нанесен или даже нанесен, но незначительный, т.е. не «дотягивающий» до общественной опасности, то, на наш взгляд, речи вообще не должно быть об уголовно-правовых отношениях, поскольку нет общественной опасности - важнейшего и обязательного признака правонарушения, а вместе с отсутствием общественной опасности правонарушения исчезает и объект правонарушения как обязательный признак состава правонарушения, и здесь возникают уже иные правоотношения (как правило, административно-правовые или гражданско-правовые).

¹Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. В. С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. – М.: Статут, 2012. – С. 74.

Подчеркнем еще раз принципиальный момент. Объект правонарушения в уголовно-правовых взаимоотношениях возникает тогда, когда этому объекту действием нанесен урон, позволяющий оценивать действие на уровне коллективной серьезности. Сначала дает отметку следователь (дознатель), а потом, бесповоротно - суд. Если дается отметка, что коллективная серьезность отсутствует, то, как мы подмечали, делается заключение об отсутствии состава правонарушения, а, следовательно, об отсутствии уголовно-правовых взаимоотношений. И в этом смысле мы солидарны с тем, что предметом уголовного права являются «такие общественные отношения, которые возникают только после совершения правонарушения между субъектом, его совершившим, и государством через специально уполномоченные органы уголовной юстиции, применяющие криминальный закон»¹. Следовательно, если нет общественной опасности, то нет и правонарушения, нет и уголовно-правовых отношений, а значит, нет и не может быть речи о том, что действие может заключать все признаки правонарушения. В данном контексте, как нам изображается, институт малозначительности действия выражен в ч. 2 ст. 14 УК РФ нескладно, поскольку разрешает производить двусмысленную и разноречивую интерпретацию: все признаки правонарушения есть, а самого правонарушения нет. Неудачным представляется и употребление словосочетания «формально заключающее признаки какого-нибудь действия». И что значит «формально»? Значит, может быть «неформально»? Не забудем, что термин «формальность» имеет в юриспруденции довольно отчетливое и жесткое содержание, и применить его в нигилистически-правовом плане (формально правонарушение, а на самом деле нет) вряд ли разумно.

Как нам представляется, о признаках действия (правонарушения) законодателю в этой статье криминального закона (ч. 1 ст. 14 УК РФ) не

¹Уголовное право России. Общая часть / под ред. В.П. Ревина. – М.: Юстицинформ, 2010. – С. 13.

нужно вообще упоминать, и акцент надлежит произвести на других аспектах, а именно на объективной стороне и фигуре действия. В итоге мы думаем разумным ч. 2 ст. 14 УК РФ выразить следующим образом: «Если деяниями (пассивностью), показанными в статьях Особенной части настоящего Кодекса, нанесен урон, не дающий оснований оценивать такие деяния (пассивность) как социально тяжёлые, то сделавшее его лицо не может быть привлечено к криминальной ответственности»¹.

Социальная тяжесть - объективное свойство правонарушения, которое имеется вне нашего сознания и самостоятельно от усмотрения правоприменителя. Наперекор этому законодатель дал вероятность правоприменителю автономно оценивать ее наличие в конкретных обстоятельствах, что в результате позволяет криминальное поведение перевести в разряд непроступного. Считаем, что в ситуации не идеального законодательства и крайне разноречивой правоприменительной практики, когда определение пределов криминального и непроступного приобретает особенную остроту, полагаться только на суждение правоприменителя невозможно.

Как противоречивым бывает это суждение - можно определять по следующим образцам.

Органом предварительного следствия В. упрекался по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ в совершении воровства гуся с противозаконным проникновением в помещение. Суд первой инстанции извинил В. за отсутствием состава правонарушения, показав, что совершенное им действие не является правонарушением в силу малозначительности. В приговоре показано, что воровство гуся у пострадавшей не располагает высокой социальной серьёзностью, присущей для уголовно-наказуемых действий. Проникновение

¹Хамтаму Р.Ш. Общественная опасность и малозначительность деяния в уголовном праве: проблемы толкования и юридические закрепления // Общество и право. – 2015. – № 2. – С. 37-40.

В. на территорию хозяйственного двора пострадавшей в ночное время суток ввиду малозначительности предмета криминального покушения не обнаружило существенного влияния на уровень коллективной тяжести совершённого, которая даже при наличии показанного признака не завоевала величины, влекущего наступление криминальной ответственности виноватого. Свое мнение о незначительности урона, нанесенного поступками обвиненного, суд мотивировал величиной украденного имущества и заявлением пострадавшей о несерьёзности понесенного ею урона¹.

С таким решением согласилась судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Калмыкии, указав, что содержащиеся в кассационном представлении доводы о низком размере пенсии пострадавшей, расходах на содержание сына и наличие у нее обязательств по уплате кредита, учитывая фактически понесенный ею ущерб, не влияют на изменение характера и объема наступивших результатов.

О другом подходе к решению данной проблемы удостоверяет решение Русско-Полянского районного суда Омской области, которым Л. был осужден за воровство из сарая двух уток. Анализируя ходатайство защиты о прекращении криминального дела в связи с малозначительностью действия на основании ст. 14 УК РФ, суд показал, что при постановлении приговора учитывается, что произведенное правонарушение причисляется к категории посредственной тяжести, в поступках Л. заключается квалифицированный состав воровства, так как имело место проникновение в сарай, кроме этого Л. ранее многократно был судим за имущественные правонарушения, характеризуется негативно, состоит на наркологическом и психиатрическом учетах, трудоспособен, но общественно-полезным трудом не занят².

¹Дело № 22-16/2012 Приютненского районного суда Республики Калмыкия // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.priyutninsky.kalm.sudrf.ru/>

²Дело № 1-51/2011 Русско-Полянского районного суда Омской области // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rus-polcourt.oms.sudrf.ru/>

Эти два приговора наглядно указывают о том, что судьи различно оценивают очень похожие условия, объединённые с совершением правонарушения, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Более того, подметим, что в первом случае неосновательно не учитывается материальное положение пострадавшего и присутствие квалифицированного состава воровства, во втором - в основу оценки действия легли данные, характеризующие лицо подсудимого - данные, не воздействующие на социальную тяжесть самого действия.

Определенную помощь в истолковании представления малозначительности, которое, безусловно, можно причислить к оценочным, мог бы показать Пленум Верховного Суда Российской Федерации, однако преднамеренно он к этой проблеме не адресовался. Такого рода объяснения имеют место только в случаях некоторых видов злодеяний.

Так, в частности, в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2010 г. № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (статьи 253, 256 УК РФ)»¹ отмечается, что, если деяния, связанные с незаконной добычей (выловом) водных биологических ресурсов, совершенные субъектом с применением самоходного транспортного плавающего средства либо в местах нереста или на миграционных путях к ним, либо на особо охраняемых территориях, хотя формально и содержали признаки правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 253 или ст. 256 УК РФ, но в силу малозначительности не представляли общественной опасности (не использовались способы массового истребления водных животных и

¹Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (статьи 253, 256 УК РФ)» от 23 ноября 2010 г. № 26 // Российская газета. – 2010. – 01 декабря. – № 5350.

растений), суд вправе прекратить уголовное дело на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ. При этом основанием для признания деяний подсудимого малозначительными может послужить, скажем, маленькое число и цена выловленной рыбы, отсутствие нездоровых результатов для окружающей среды, а также употребляемый способ добычи, который не является тяжёлым для биологических, в том числе рыбных, ресурсов.

Предоставленное объяснение представляется довольно дискуссионным, так как деяния субъекта, занимающегося противозаконной добычей водных ресурсов можно в каком-нибудь уровне сопоставить с деяниями карманного похитителя, который, вынимая кошелек (в нашем случае - снасти с добычей), едва ли знает, что ему подвернется. Едва ли малозначительность в этом случае надлежит оценивать не по умыслу, а по итогу.

Коллективная тяжесть действия оценивается исходя из значимости объекта уголовно-правовой охраны и учитывается при закреплении незаконности. Неверно, на наш взор, переложить на правоприменителя обязанность определять эту коллективную тяжесть. В связи с этим мы не можем согласиться с позицией Верховного Суда Российской Федерации, которая нашла отражение в решении по делу З. Из решения следует, что З. нашел один патрон, который по заключению эксперта был признан боеприпасом к нарезному охотничьему огнестрельному оружию; этот патрон З. принес домой и хранил в квартире. По приговору суда З. был осужден по ч. 1 ст. 222 УК РФ за противозаконное получение и сохранение боеприпасов. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор и в определении от 10 февраля 2011 г. № 55-Д10-23 указала, что суд, признавая З. виновным, не дал оценки тому обстоятельству, что З. никакого оружия не имел, патрон приобрел случайно (нашел) и при этом не придавал значения его нахождению в своей квартире. Кроме того, суд не привел данных, удостоверяющих о том, что З. своими поступками нанёс урон или

образовал угрозу нанесения урона личности, обществу или стране. С учетом изложенных ситуаций Судебная коллегия признала действие 3. малозначительным и аннулировала приговор с прекращением уголовного дела за отсутствием состава правонарушения¹.

Статья 222 УК РФ сконструирована по образу формального состава. Численность боеприпасов, способ получения, цель их дальнейшего употребления уголовно-правового смысла для использования ст. 222 УК РФ не имеют. Разбор судебной практики обнаруживает, что имеют место далеко не единичные эпизоды привлечения к криминальной ответственности и осуждения виноватых субъектов за получение и сохранение одного боеприпаса.

Президиум Челябинского областного суда, анализируя в надзорном режиме дело в отношении жительницы Магнитогорска Елизаветы Ф., 1936 года рождения, аннулировал приговор Правобережного районного суда г. Магнитогорска от 24.02.2011 и решил прервать криминальное дело за отсутствием состава правонарушения — в силу малозначительности действия.

Областной суд показал, что произведенное подсудимой действие оказывается под признаки правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ, так как законом запрещается сохранение боеприпасов, к каковым, в соответствии заключению баллистической экспертизы, отложен исключённый патрон. Всё-таки при решении вопроса о привлечении Ф. к криминальной ответственности за совершение данного действия подлежали учету и данные о личности — преклонный возраст, позитивные характеристики, мотивы, побудившие субъект к совершению деяния. В соответствии ст. 14 УК РФ не является правонарушением деяние, хотя формально и заключающее признаки

¹Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за I квартал 2011 года по уголовным делам // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vsrf.ru>

какого-нибудь действия, предусмотренного Уголовным кодексом РФ, но в силу малозначительности не доставляющее коллективной тяжести.

Правобережным районным судом г. Магнитогорска Елизавета Ф. за противозаконное сохранение боеприпаса (ч. 1 ст. 222 УК РФ) была осуждена к 2 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком 6 месяцев, без штрафа. Она у себя дома незаконно хранила пистолетный патрон калибра 9 мм, являющийся штатным к огнестрельному оружию с нарезным стволом пистолетам ПМ и АПС, пистолетам-пулеметам «Кипарис», ГШ-90 и другим, который пригоден к производству выстрела и относится к боеприпасам. 29.11.2010 в квартире, где Елизавета Ф. проживает с мужем и сыном, был произведен обыск в связи с оперативной информацией, поступившей по уголовному делу об убийстве. Квартира была наименована в числе адресов, где может держаться оружие. В ходе обыска изобличили патрон. Елизавета Ф. вину в сохранении боеприпаса признала и сказала, что много лет назад сама доставила патрон с полигона, где находилась по роду своей работы (трудилась стрелком-охранником на калибровочном заводе, стреляла из пистолета Макарова), патрон содержался дома на тумбочке как память о работе.

Криминальное дело определилось в районный суд. В судебном заседании прокурор запрашивал определить Елизавете Ф. возмездие в виде 2 месяцев отнятия свободы условно с испытательным сроком 6 месяцев. Адвокат не противоречил, поскольку 2 месяца — это минимальный срок отнятия свободы, предусмотренный законом за совершение правонарушения (в соответствии с ч. 2 ст. 56 УК РФ). Суд согласился с мнением сторон.

В кассационном порядке приговор не был обжалован ни самой подсудимой, ни ее защитником, ни прокурором. Только стороны могут обжаловать приговор с целью устранения судебной ошибки.

Уже после вступления приговора в законную силу, когда о деле рассказали средства массовой информации, прокурором области было внесено в

областной суд надзорное представление об отмене приговора и направлении дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции в связи с процессуальным нарушением: дело рассматривалось районным судом в особом порядке без присутствия подсудимой (та, признав вину, просила рассмотреть дело без нее по причине заболевания). Надзорное представление прокурора области удовлетворено частично: приговор упразднен, но на новое анализ дело не обращено — в связи с прекращением уголовного дела¹.

Аргументы, что слово «боеприпасы» имеет множественное число и потому как бы удостоверяет о том, что речь идет о некоем числе больше единицы, на наш взор, не подходящие. Это всего только недостаток законодательной техники.

В теории права имеют место и другие точки зрения на вероятность признания в деяниях субъекта малозначительности. Некоторые авторы допускают малозначительность неосмотрительных правонарушений. Так, к примеру, В. Н. Винокуров считает, что малозначительность вероятна при совершении правонарушения, предусмотренного ст. 293 УК РФ. Свою позицию он объясняет тем, что одним из последствий халатности является существенное нарушение прав и законных интересов граждан, общества или государства, т. е. последствия не конкретизированы и описаны посредством оценочных признаков². Действительно, наличие оценочных признаков затрудняет квалификацию деяния, однако если не будет установлено, что нарушение носит существенный характер, то вряд ли можно говорить о ст. 293 УК РФ. Малозначительность может обуславливаться ролью субъекта в совершении правонарушения³.

¹Официальный сайт Челябинского областного суда // [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.chel-oblsud.ru>.

²Винокуров В.В. Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

³Рагозина И.Г., Бражников В.В. Квалификация при малозначительности деяния: вопросы теории и практики // Вестник Омской юридической академии. – 2016. – № 1. – С. 42-46.

Особенность Уголовного кодекса Австрии заключается в том, что в нем упомянута еще одна группа – небольшие действия, они вообще не подлежат возмездию. Как видно из приведенной нормы, в основу систематизации правонарушений замышлена система возмездий, что на нынешней ступени специфично для подавляющего большинства государств.

Дефиниции правонарушения в отдельной статье кодекс не заключает, он упоминает о нем в норме, касающейся к криминальным действиям (§ 17), вместе с тем в нем дается характеристика элементов криминального действия¹.

Уголовный кодекс укрепил постулат: нет правонарушения, если оно не оговаривается в законе (§ 1).

Интересно, что УК Грузии отказался от определения понятия правонарушения и общественной опасности как его обязательного свойства, но записал в ч. 2 ст. 7 «Основания уголовной ответственности», что «не является правонарушением деяние, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не причинившее вреда, который бы повлек необходимость уголовной ответственности субъекта, его совершившего, либо не создавшего угрозы нанесения такого урона».

Уголовный кодекс Республики Беларусь в ч. 4 ст. 11 внёс: «Не является правонарушением деяние или пассивность, формально заключающее признаки какого-либо действия, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не владеющее коллективной тяжестью, свойственной правонарушению. Малозначительным признается действие, которое не нанесло и по своему содержанию и устремлённости не могло нанести значительного урона сохраняемым уголовным законом интересам».

¹Уголовный кодекс Австрии. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. – С. 21.

По правовой природе малозначительные действия представляют собой юридические либо моральные проступки. УК Республики Беларусь в ч. 4 ст. 11 «Понятие правонарушения» предусматривает, что малозначительное действие в случаях, предусмотренных законом, может влечь использование критериев административного или дисциплинарного взымания.

Таким образом, понятие малозначительность идентично во многих странах.

2 ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

2.1 Признаки преступления в российском уголовном праве

В юридической литературе по криминальному праву изображены разнообразные версии содержания концепта «социальная опасность». «Социальная опасность представляет собой беспристрастную действительность, свойственную кое-каким действиям в установленных обстоятельствах места, времени, ситуации, характера их совершения»¹, - подмечает Л.М. Прозументов. Следующее высказывание ученого обнаруживает весьма существенный аспект социальной серьёзности действия – её беспристрастность, и, в то же время, субъективность (но не как признак, относящийся к субъекту, а в силу того, что социальная опасность деяния определяется той эпохой, тем историческим временем, в которое оно совершается, и в этом представляется необходимым согласиться с профессором). «От законодательного запрещения или его отсутствия не усиливается и не уменьшается беспристрастно нанесенный урон, сформулированный, обычно, в физических показателях. Коллективная опасность определяется с убеждений социальных ценностей, принятых в обществе, и является такой автономно от воли законодателя... Законодатель, обнаружив факт социальной опасности действия, может этот факт только закрепить в уголовном законе, т.е. «распознать» его в качестве правонарушения, но не «выдумать» или «предположить». В то же время социальная опасность как следствие общественной оценки действия субъективна. Общественная оценка действия в качестве правонарушения идёт от сознания его (поступка) как социально опасного. Экономические,

¹Прозументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – С. 21– 23.

политические, социально-психологические, научно-технические, криминологические причины определяют социальную оценку общественно тяжёлого действия». Отсюда следует, что социальная тяжесть действия беспристрастна, так как её присутствие либо отсутствие не зависит от воли законодателя и может всего лишь быть им отмечено и учтено при определении запрещения такого действия под угрозой возмездия.

Общественная опасность деяния (любой отраслевой принадлежности, направленного на любой объект охраны) субъективна постольку, поскольку, не являясь зависимой от субъективной воли законодателя, она зависит от субъективной оценки того или иного деяния обществом как для него опасного (или не опасного). Следовательно, социальная тяжесть – это объективно-субъективная мера, так как соединяет в себе беспристрастное и субъективное начало в их сплочённости и битве. Из сказанного, кроме того, вытекает и тот факт, что в силу наличия общественной опасности в правонарушении (преступлении) первичным выступает социальный сегмент, а правовой является вторичным, но тесно связанным при этом с первым, ввиду чего можно предположить, что правонарушение есть социально-правовое явление, как и предусмотренная за его совершение юридическая ответственность, о чем будет далее сказано несколько подробнее. Пока же проанализируем теоретическое содержание концепта «социальная тяжесть».

Т.А. Плаксина проводит обобщение имеющихся в уголовно-правовой науке убеждений в пять пунктов:

1) социальная тяжесть действия – это его качественная характеристика, которая детерминируется взаимодействием элементов действия и социальных взаимоотношений как объекта защиты;

2) социальная тяжесть, возникая качественной характеристикой действия и придавая ему известное своеобразие, в то же время имеет и свое

количественное формулирование через категорию уровня социальной тяжести;

3) для уголовно-правового нормообразования существенной изображается социальная тяжесть не всякого отдельно взятого действия установленного облика, а так именуемая стандартная социальная тяжесть (а вернее, стандартный уровень социальной тяжести) такого рода действий, устанавливаемая, наравне с объектом, их типическими признаками;

4) распространенность обусловленного вида действий не действует на стандартный уровень их социальной тяжести, т.к. не вмещается ни в одну из подсистем, итогом взаимодействия которых делается социальная тяжесть, - ни в предмет охраны, ни в элементы действия как составляющей источника тяжести;

5) социальная тяжесть действия может анализироваться: а) как итог взаимодействия объекта защиты (социальных взаимоотношений) и источника тяжести (действия); б) как вероятность вредного влияния источника тяжести на объект защиты¹. Такая характеристика социальной тяжести дается автором в свете предлагаемой ею конструкции общественных причин криминальной ответственности.

Так, органами предварительного следствия В. обвинялся в том, что он преднамеренно нанёс тяжёлый урон здоровью М., повлекший по неосторожности его смерть. Данные поступки были квалифицированы по ч. 4 ст. 111 УК РФ.

В ходе судебного разбирательства было обнаружено, что между В. и М. случился конфликт, в ходе которого осуждённый причинил один удар кулаком в голову М., от которого последний упал на бетонное покрытие пола и стукнулся головой о деревянный косяк двери. В итоге ему была нанесена

¹Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 28–30.

закрытая черепно-мозговая травма, которая сопровождалась переломом костей основания черепа, кровоизлияниями под оболочки головного мозга, ушибом мозга и вызвала созревание отека головного мозга. Данная травма касалась к тяжёлому урону здоровью по признаку серьёзности для жизни и повлекла за собой смерть М., которая наступила в больнице.

Суд первой инстанции переквалифицировал поступки В. с ч. 4 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 118 УК РФ и оценил их как нанесение тяжёлого урона здоровью по неосмотрительности.

Судебная коллегия по уголовным делам не согласилась с данными выводами суда первой инстанции по следующим причинам.

В приговоре содержатся выводы об отсутствии у В. умысла на нанесение тяжёлого урона здоровью М., так как, причинивши один удар кулаком по голове пострадавшего, осуждённый не мог предугадывать того, что М. в итоге падения заработает закрытую черепно-мозговую травму. Стало быть, суд дал оценку только результатам в виде тяжёлого урона здоровью.

Между тем из заключения судебно-медицинской экспертизы надлежит, что закрытая черепно-мозговая травма повлекла тяжёлый урон здоровью по признаку тяжести для жизни и находится в причинной связи с наступлением кончины. Однако суд не дал никакой оценки тяжёлым результатам в виде кончины пострадавшего М. и оставил без внимания то обстоятельство, что ответственность за нанесение кончины по неосмотрительности предусмотрена ст. 109 УК РФ.

По кассационному мнению суд второй инстанции аннулировал приговор в отношении В. и обратил дело на новое судебное разбирательство.¹

¹Определение по делу № 22-1377/2011 Челябинского областного суда // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chel-oblsud.ru>.

Основательно открывает составляющие социальной тяжести и Н.Ф. Кузнецова. По её суждению, социальная тяжесть характеризуется следующими гранями:

1) социальная тяжесть действия по природе есть беспристрастное свойство правонарушения, т.е. автономное от правовой их оценки законом. Однако делается она свойством именно правонарушения только после такой её оценки криминальным законом.

2) социальная тяжесть – объективно-субъективная мера, устанавливаемая совокупностью всех неперенных элементов состава правонарушения.

3) УК РФ применяет представление и термин «социальная тяжесть» в двух разновидностях: как беспристрастной и как объективно-субъективной вредности.

4) социальная тяжесть действий служит причиной их криминализации законом.

5) социальная тяжесть выступает причиной привлечения виноватого субъекта к криминальной ответственности.

6) Характер и уровень социальной тяжести устанавливают категоризацию правонарушений.

7) социальная тяжесть правонарушения – первый критерий индивидуализации возмездия.

8) социальная тяжесть – такое характерное свойство правонарушения, которое разрешает его отграничить от других преступлений и малозначительных действий.

Соглашаясь со всеми характеристиками искомой категории, мы бы исправили конечную: характер и уровень социальной тяжести разрешают отграничить злодеяния от иных правонарушений, а её присутствие – от малозначительных действий.

Таким образом, социальная тяжесть представляет собой такую характеристику поступка, которая выражается в том, что этот поступок наносит урон общественно значительным социальным ценностям, или способно нанести такой урон, т.е. формирует угрозу нанесения урона. Учитывая вторую составляющую признака нужно сообщать именно об социальной тяжести, как собирательном мнении, охватывающем как сам ущерб, так и угрозу его прихода. В связи с этим изображается нужным не согласиться с А.А. Гогиным, предлагающим подменить признак «социальная тяжесть» на эквивалент «социальная вредоносность действия». «Термин «социальная тяжесть» - есть субъективное изображение и оценочная гипотеза органов государственной власти, партий, движений, союзов или отдельного индивидуума об уровне социальной вредоносности конкретного явления, образованное на идеологических, политических, индивидуальных и других взглядах, суждениях и увлечениях. В свою очередь, урон – это неблагоприятные результаты психологического, нравственного, физиологического или вещественного характера»¹. Она вынашивает, на наш взор, сугубо теоретико-правовой характер и крайне отдалена от отраслевых юридических реалий. Не полностью чётко, с чего автор отводит именно такую интерпретацию коллективной тяжести. Как мы выше убедились, социальная тяжесть – объективно-субъективная мера, причем, субъективность её может быть признана таковой лишь в самом широком абстрактном и весьма условном смысле, в масштабах же того или иного социума, находящегося на определенном историческом этапе своей жизни (культурно-исторического типа) социальная тяжесть действий вполне объективна, так как обусловлена бытующими в этом социуме общественными взаимоотношениями. А конструкция «социальная вредоносность деяния», предлагаемая названным, и

¹Гогин А.А. Общая концепция правонарушений: проблемы методологии, теории и практики: автореф. дисс. д-ра юрид. наук. – Казань, 2011. – С. 8.

некоторыми другими авторами, на наш взгляд, не охватывает угрозы причинения вреда. И затем, что препятствует всем тем наименованным А.А. Гогиным персонам точно также смело толковать общественную вредоносность, как они, по его соображению, высказывают социальную тяжесть.

Таким образом, вещественный признак преступления заслуживает, с обусловленными обмолвками, признавать предопределяющим, в силу присутствия в ряде отраслевых законов конструкции малозначительности, пропускающей ответственность или приносящей вероятность для такого исключения даже при присутствии формальной незаконности. Кроме того, этот признак вынашивает предпочтительно общественный характер, изображает социальную суть преступления как действия, наносящего урон общественно значительным благам, так и организовывающего угрозу нанесения такого урона¹.

б) Противозаконность (незаконность) правонарушения. В отличие от коллективной тяжести этот признак принято находить формальным. Под криминальной противозаконностью в теории криминального права принято понимать недозволенность правонарушения подлежащей уголовно-правовой нормой под угрозой использования к виноватому возмездия.

Традиционно криминальная беззаконность разумеется как юридическое формулирование социальной тяжести в криминальном праве. Как верно замечал в свое время В.С. Прохоров, беззаконность как признак правонарушения первоначально от другого признака правонарушения - коллективной тяжести, «законодатель определяет запрет производить установленное деяние именно в силу его социальной тяжести». Вместе с тем немаловажно подчеркивать, что до того как социально тяжелое действие не

¹Куликов Е.А. Общественная опасность как главный признак правонарушения // Юридические исследования. – 2016. – № 1. – С. 18-48.

будет признано незаконным, оно не является криминальным. Именно в этой связи А. И. Марцев, на наш взор, довольно отчетливо этимологически разбавляет два термина «узнается» и «обнаруживается». «Рассматривая законодательное определение понятия правонарушения, - пишет ученый, - надобно, сначала, устремить интерес на то, что законодатель применил в своей выражении слово «узнается», а не «является». Этим самым подчеркивается, во-первых, подвластность определения понятия злодеяния от воли законодателя, во-вторых, исторически непостоянный характер этого суждения».

Процесс нахождения социально тяжёлых действий криминальными, т.е. процесс формализации таких действий посредством криминального закона принято именовать криминализацией действий (от лат. «сrimen» - преступление), процесс возвратного характера – декриминализацией.

Процессы более личного характера, обнаруживающихся первоначально от процессов криминализации (декриминализации) именуют процессами пенализации (депенализации) – т.е. определения и ликвидации наказуемости за правонарушение (от лат. «роена» - наказание).

А. В. Наумов устанавливает процесс криминализации следующим типом: «законодательное признание установленных действий уголовными и наказуемыми, т.е. определение за их совершение криминальной ответственности»¹.

На произвольном периоде созревания общества оно принуждено брать под защиту наиболее значительные свои ценности, выполнять их охрану, в том числе и уголовно-правовым типом. Надобность похожей защиты бесспорна, так как именно эти ценности снабжают прогресс общества во всех областях его жизнедеятельности. При этом процесс постановки объекта под уголовно-правовую защиту не может анализироваться как нечто случайное. Этот

¹Наумов А.В. Российское уголовное право. Учебник. – М.: Волтерс клувер, 2008. – С. 33.

процесс подвластен жёстко установленным беспристрастным закономерностям.

Вероятно также, что процесс криминализации должен опираться на исчерпывающем и полном исследовании общественной реальности во всех сферах ее проявления. И при этом опять-таки непозволительно превращение уголовного закона в свод типизированных правил поведения на все случаи существования. Процедура криминализации, имеясь прерогативой законодателя, является довольно ответственным мероприятием, призывающим значительного и обстоятельного познания социально-политической реальности общества в данный миг.

Нужно также учесть совокупность разнообразных факторов, которые лежат в основе процесса криминализации. В первую юридико-криминологическую группу входят следующие причины: уровень коллективной тяжести действия; сравнительная распространенность действий и их типичность; динамика действий с учетом резонансов и обстоятельств, их рождающих; вероятность влияния на них уголовно-правовыми средствами при отсутствии потенциала удачной битвы менее репрессивными средствами; потенциала системы криминальной юстиции.

Вторую группу (социально-экономические причины) составляют: отсутствие вероятных побочных явлений уголовно-правового запрещения; присутствие вещественных ресурсов для осуществления уголовно-правового влияния; наносимый действиями физический и нравственный урон.

Последняя (третья) группа изображена следующими резонами: установленный уровень коллективного правосознания; социальной психологии; исторические обычаи.

в) Виновность как признак преступления. Концептуально виновность как признак правонарушения организована на таких уголовно-правовых

категориях, как вина, принцип вины, принцип индивидуальной виновной ответственности.

Виновность вероятна лишь при присутствии тех форм вины, которые установлены законом (ст. 24 УК): умысел (открытый и косвенный) - ст. 25 УК или неосмотрительность (по легкомысленности или неаккуратности) - ст. 26 УК.

Виновность - это психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному и противоправному деянию и его последствиям. Именно так, или почти так (при этом может добавляться, что данное психическое отношение может выражаться в форме умысла или неосторожности), данный признак преступления определяется практически во всех учебниках по уголовному праву. Однако именно так же определяется и вина как основной признак субъективной стороны состава преступления. Получается, что признаки двух разных понятий обозначаются одной и той же дефиницией, или эти понятия являются тождественными, хотя терминологически обозначены по-разному?

По мнению, например, А. И. Марцева, в свое время отождествлять понятия вины и виновности позволила законодательная формулировка оснований уголовной ответственности, закрепленная в ст. 3 УК РСФСР 1960 г. «Уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, т.е. умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние». УК России 1996 г. при определении основания уголовной ответственности в ст. 8 подобной фразы уже не содержит. В ст. 14 УК России 1996 г. говорится о том, что преступление должно быть совершено виновно, но, как совершенно справедливо отмечает ученый, знак равенства между фразами «виновно совершенное» и «т.е. умышленно или по

неосторожности» законодателем не поставлен, а сделано это должно быть именно в тексте закона.

По мнению Ю. А. Красикова, виновность вообще не может рассматриваться как самостоятельный признак преступления в силу того, что является необходимым свойством противоправности деяний.

По мнению отдельных авторов, под виновностью понимается субъективная сторона преступления, и при ее установлении исследованию и доказыванию подлежит форма вины¹. Другие авторы полагают, что уяснение виновности только через субъективные составляющие недостаточно полно раскрывает ее содержание. Так, С. В. Векленко считает, что «виновность есть совокупность объективных и субъективных обстоятельств, обосновывающих осуждение лица с применением к нему конкретного наказания за совершенное преступление». Отсутствие хотя бы одного из обстоятельств (объективного или субъективного основания) влечет и отсутствие целого, т. е. виновности. Но чаще всего ученые под виновностью понимают именно субъективные признаки состава преступления, а именно, субъекта преступления и субъективную сторону. Органам и должностным лицам, осуществляющим уголовное преследование, необходимо установить лицо, совершившее преступление, а также доказать умышленно или неосторожно совершены его действия, то есть форму вины. Так, в трактовке В. А. Лазаревой виновность лица в совершении преступления, форма вины и мотивы — процессуальное выражение элементов субъективной стороны состава преступления. Далее автор полагает, что «установить лицо, совершившее преступление, и доказать его вину — тождественные понятия: пока вина не доказана, лицо не считается совершившим преступление. При этом уголовно-процессуальное понятие виновности отличается от уголовно-процессуального понятия вины (ст. 24–26

¹Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2013. — С.138.

УК РФ), так как включает в себя не только наличие умысла или неосторожности, но и факт совершения определенным лицом действий, образующих объективную сторону состава преступления»¹.

П. А. Лупинская понимает под виновностью «установление лица, совершившего преступление (субъект преступления), и его вину (субъективная сторона преступления). В зависимости от конкретных обстоятельств дела должно быть доказано, что лицо может быть субъектом преступления (возраст, вменяемость). Так же должны быть установлены факты, характеризующие субъективную сторону совершенного обвиняемым деяния, то есть нужно доказать, умышленно или неосторожно совершены действия»².

Законодатель в ст.73 УПК РФ под установлением «виновности» понимает выявление лица, совершившего преступление, и доказанность того, что данное лицо может выступать в качестве субъекта преступления (возраст, вменяемость). Аналогичная точка зрения содержится в работе А. Р. Белкина: «... доказывание виновности обвиняемого в совершении преступления подразумевает выяснение двух существенных вопросов. Подлежит выяснению, кто совершил общественно опасное деяние, совершил ли его обвиняемый»³.

Так, виновность подсудимых была подтверждена следующими доказательствами: показаниями свидетеля; протоколом добровольной выдачи трех свертков из бумаги с порошкообразным веществом; протоколом личного досмотра Г.а. П.В., согласно которому него были обнаружены и изъяты деньги в сумме 500 рублей, переданные ему П.А.Г. для приобретения

¹Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учеб.-практич. пособие. — М.: Юрайт, 2011. — С. 135.

²Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинской. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2010. — С. 292.

³Токарева А. А., Максименко Г. С. Виновность в уголовном процессе // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). — Казань: Бук, 2016. — С. 251-254.

героина; заключением эксперта с выводами о том, что вещество, добровольно выданное Л.П.В., является смесью, содержащей диацетилморфин (героин), которое отнесено к наркотическим средствам¹.

г) Наказуемость преступления. В отличие от предыдущего признака, наказуемость является необходимым свойством преступления. Наказуемость определенным образом связана с признаком противоправности, как бы органически «вытекая» из последней. Действительно, если уж деяние признается уголовным законом в качестве преступления, оно должно определенным образом санкционироваться, запрещаться законом.

Так, по приговору суда Кухолев признан виновным в совершении кражи из газопровода.

Признаки состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, имеют место в случае несанкционированных умышленных врезок в газораспределительную сеть с корыстной целью. Изъятие и обращение газа в пользу виновного должно быть противоправным и безвозмездным, при этом, противоправность означает не только противозаконность таких действий, но и отсутствие у лица действительного или предполагаемого права на изъятие и обращение газа в свою пользу.

Из материалов дела видно, что Кухолевым газ использовался в коммунальных, а не иных целях, он уклонялся от материальных затрат, направленных на погашение образовавшейся задолженности и возобновлению подачи газа по заключенному договору, самовольно подключился к системе газоснабжения.

В соответствии со ст. 7.19 КоАП РФ самовольное подключение к энергетическим сетям, нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам, а равно самовольное использование электрической, тепловой

¹Дело № 22–1482/2014 Советского районного суда г. Челябинска // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sovetsky.chel.sudrf.ru/>

энергии, нефти, газа или нефтепродуктов влечет административную ответственность.

Следовательно, в действиях Кухолева отсутствует состав уголовно наказуемого деяния¹.

Наказуемость, как признак преступления, и в определенной степени свойство уголовно-правовой нормы нельзя смешивать с понятием наказания или наказанности. Так, последнее, в силу определенных причин (незадержания преступника в результате его сокрытия или вообще его неустановления) может не наступать. Наказание, как правовое последствие совершения преступления, может и не применяться к лицу в силу опять-таки определенных причин, установленных самим уголовным законом. Но наказуемость, как угроза применения уголовного наказания за совершенное преступление, должна присутствовать всегда, независимо от объективных условий его совершения. Ибо она, предопределяя уголовно-правовой запрет, как раз и является одним из сдерживающих факторов совершения преступления. Таким образом, наказуемость как признак преступления представляет собой абсолютную угрозу наказанием за любое совершенное преступление.

Так, Ветров Г.В. и Мещеряков В.П. были привлечены к уголовной ответственности за совершение контрабанды, то есть перемещение в через таможенную границу Российской Федерации оборудования, которое может быть использовано при создании военной техники, и в отношении которого установлены специальные правила перемещения через таможенную границу Российской Федерации, с сокрытием от таможенного контроля и сопряжённое с недекларированием, организованной группой, при следующих обстоятельствах: 26 апреля 2011 года Невельским районным судом уголовное преследование в отношении Ветрова Г.В. и Мещерякова В.П., обвиняемых в

¹Кассационное определение по делу № 22–208 Смоленского областного суда // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oblsud.sml.sudrf.ru/>

совершении преступления, предусмотренного ч.4 ст. 188 УК РФ, прекращено в связи с устранением новым уголовным законом преступности и наказуемости вменённого им деяния, на основании п.2 ч.1 ст 24 УПК РФ.

В соответствии с действующим законодательством декриминализация тех или иных деяний может осуществляться не только путём внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство, но и путём отмены нормативных предписаний иной отраслевой принадлежности.

Вывод суда об отсутствии в действиях Ветрова В.Г. и Мещерякова В.П. состава преступления, предусмотренного ч.4 ст. 188 УК РФ, в связи с введением в действие Таможенного кодекса Таможенного союза, устраняющего преступность и наказуемость инкриминированного деяния, является верным, соответствующим части первой статьи 3 и статье 10 УК Российской Федерации, положения которых согласуются с требованиями части 2 статьи 54 Конституции РФ о необходимости придания обратной силы любому закону, устраняющему или смягчающему ответственность¹.

Концептуально признак наказуемости основан и взаимосвязан с принципом неотвратимости уголовного наказания. В последнее время появился ряд работ, в которых высказывается тревога по поводу нивелирования и размывания принципа неотвратимости уголовного наказания. В том числе, данная ситуация вызвана и несоблюдением жесткой привязанности к признаку преступления – наказуемости.

Одной из важнейших задач государств является охрана правопорядка в обществе от преступных посягательств. В уголовном законодательстве многих стран мира по разному определено, какие деяния являются преступлениями и какому наказанию подлежат лица, совершившие общественно опасные деяния. Наказание является формой уголовной

¹Кассационное определение по делу № 22-595 Псковского областного суда // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oblsud.psk.sudrf.ru/>

ответственности и его целью является предупреждение и противодействие совершению преступлений.

Уголовное наказание это мера государственного принуждения, проявляющаяся в назначении наказания лицу, совершившему преступление, в виде лишения или ограничения прав и свобод этого лица.

И.Я. Фойницкий уголовное наказание определяет как «меру общественного самосохранения, которая применяется против состояния преступности»¹. С этим трудно не согласиться. Сущность уголовного наказания заключается в его социальной природе, так как преступность — это угроза не только безопасности государства, но и социальному развитию страны.

Лицо, совершившее преступление, несёт уголовную ответственность, которая влечет за собой уголовное наказание. Уголовная ответственность и наказание представляют собой методы защиты общества от преступных посягательств и способы предупреждения преступности в государстве. Уголовное наказание зависит от вида преступления, тяжести его совершения, характера и степени общественной опасности деяния, личности виновного и от обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность лица. В связи с этим актуален вопрос эффективности реализации уголовного наказания в борьбе с преступностью. Эффективность наказания определяется тем, насколько суд полно учитывает все обстоятельства дела. Немаловажным является качество добросовестности применения уголовного наказания, а также уровня профессионализма судей. Однако, существуют проблемы эффективности уголовного наказания в борьбе с преступностью.

¹Скворцова Ю.С. Проблемы эффективности уголовного наказания в борьбе с преступностью // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. XLVII междунар. науч.-практ. конф. № 3(45). – Новосибирск: СибАК, 2015. – С. 97-101.

Одной из таких проблем является несоответствие тяжести совершения преступления и вида наказания за это деяние. За тяжкие преступления необходимо предусматривать максимально строгий вид уголовного наказания. Незначительное наказание чаще всего не воспринимается населением как сдерживающий фактор преступности. Каждый, кто совершил преступление, должен быть наказан и понести уголовное наказание, которое будет соответствовать содеянному.

Не всегда применение максимально строгого наказания приводит к исправлению осужденного, а, наоборот, к увеличению его опасности для общества, рецидиву преступления. Для того чтобы это исключить, необходимо перед органами исправительных учреждений поставить задачу — убеждать осужденных не совершать преступлений в будущем под страхом уголовного наказания за общественно опасные деяния. Нужно формировать у осужденных уважительного отношения друг к другу, обществу и труду.

Другой немаловажной проблемой эффективности уголовного наказания является уклонение от наказуемости за совершенное преступление. Из средств массовой информации зачастую узнаем о том, что не все лица, совершившие преступные посягательства, реально привлекаются к уголовной ответственности. В условиях неравенства в применении наказуемости возникают определенные проблемы относительно определения эффективности наказуемости за общественно опасные деяния.

2.2 Признаки преступления в зарубежном уголовном праве

Надлежит заметить, что в законодательстве разнообразных государств неоднозначно решается вопрос дефиниции признака социальной тяжести в

определениях понятия «правонарушение». В странах бывшего СССР признак «коллективная тяжесть» назначен в законодательных выражениях «правонарушение». К примеру, в УК Республики Беларусь замечается, что «правонарушением признается свершенное виновно социально тяжёлое действие (действие или пассивность), характеризующееся признаками, предусмотренными настоящим Кодексом, и воспрещенное им под угрозой возмездия» (ст. 11)¹.

Почти похожее формулирование дается в УК Республики Таджикистан².

В УК Республики Литвы выражено не понятие социальной серьезности, а представление «опасность» (ст. 12)³. В то же время в УК Литвы все злодеяния систематизируются на проступки и правонарушения, но признак социальной тяжести показан как в дефиниции правонарушения, так и в дефиниции криминального проступка. В УК Республики Молдова применяется сопредельное понятие – «вредное действие» (ст. 23)⁴.

Похоже разрешается этот вопрос в законодательстве государств бывшего социалистического лагеря. К примеру сказать, в УК Республики Польша замечается, что «не является правонарушением воспрещенное действие, коллективная вредоносность которого мала»⁵.

По УК Болгарии «правонарушением является такое социально тяжёлое деяние (действие или пассивность), которое произведено виновно и провозглашено законом наказуемым» (ст. 9). Кроме того, в УК Болгарии дается дефиниция понятия «коллективная тяжесть». В ст. 10 зафиксировано: «... социально тяжёлым является действие, которое образует угрозу нанесения урона или наносит урон личности, правам граждан, собственности,

¹Уголовный кодекс Республики Беларусь. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – С. 89

²Уголовный кодекс Республики Таджикистан. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – С. 35

³Уголовный кодекс Литовской Республики. – СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2003. – С. 127.

⁴Уголовный кодекс Республики Молдова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – С. 37.

⁵Уголовный кодекс Республики Польша. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – С. 47.

определённому Конституцией правопорядку в Республике Болгария или иным интересам, защищаемым правом»¹.

В ряде стран Европы в соответствии сформировавшимся обычаям признак коллективной тяжести в законодательных выражениях понятия «правонарушение» не подтверждается. Например, в параграфе 12 УК Германии подчеркнуто, что «правонарушениями являются незаконные действия, за совершение которых в качестве наименьшего возмездия предусмотрено возмездие в виде отнятия свободы на срок от одного года и более»².

В соответствии ст. 9 УК Швейцарии «правонарушением является криминальное действие, подлежащее возмездию каторжной тюрьмой. Провинностью является действие, подлежащее возмездию тюрьмой в качестве наиболее тяжёлого»³. В криминальном законодательстве этих государств дается формальное понятие «правонарушение».

В криминальном законодательстве Франции вообще нет легального определения понятия «правонарушение». Так, УК Франции при систематизации действий заводит новый критерий их дифференциации – тяжесть злодеяния⁴. Соответственно ст. 111-1 «Криминальные действия систематизируются в соответствии с их тяжестью на правонарушения, проступки и нарушения». Согласно со ст. 111-3 «никто не может быть подвергнут возмездию за правонарушение или проступок, элементы которого не установлены законом, или за нарушение, элементы которого не установлены регламентом. Никто не может быть подвергнут возмездию, которое не предусмотрено законом, если криминальное действие является правонарушением или проступком, или не предусмотрено регламентом, если

¹Уголовный Кодекс республики Болгария. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – С. 31.

²Уголовный Кодекс Федеративной Республики Германии. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 125.

³Уголовный Кодекс Швейцарии. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – С. 75

⁴Уголовный кодекс Франции. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – С. 49

криминальное действие является нарушением». Фактически понятие правонарушения по УК Франции следует из содержания ст. 111-3.

Уголовные кодексы многих иностранных государств не включают особой статьи, устанавливающей обобщенный список объектов правонарушений, но об их разновидностях можно предопределять и из наименования разделов, глав или параграфов.

Из УК Норвегии вытекают следующие объекты правонарушений: взаимоотношения, охраняющие независимость и безопасность государства (глава 8); конституционный строй (глава 9); гражданские права (глава 10); служебные взаимоотношения (глава 11); взаимоотношения официальной власти (глава 12); общественный режим (глава 13); общественная безопасность (глава 14); судебные взаимоотношения (главы 15, 16); режим управления (главы 17, 18, 19); сексуальные взаимоотношения (глава 20) и т.д.

Уголовный кодекс Республики Сан-Марино раскрывается главами о правонарушениях против личности (главы 1 и 2). Далее из его содержания вытекает, что законодатель в качестве объектов правонарушения предусмотрел: взаимоотношения собственности; семейные отношения; коллективную безопасность; коллективный режим; взаимоотношения морали; государственные взаимоотношения; взаимоотношения власти; служебные взаимоотношения.

По УК Австралии объектами правонарушений выступают: взаимоотношения безопасности международного сообщества и иностранных государств; государственные взаимоотношения; взаимоотношения собственности; опасность человечества; взаимоотношения национальной инфраструктуры.

В Уголовном кодексе Дании укреплены следующие объекты правонарушений: взаимоотношения суверенности и безопасности государства; конституционные взаимоотношения; взаимоотношения государственной

власти; социальный режим; служебные взаимоотношения; процессуальные взаимоотношения; половые взаимоотношения; взаимоотношения собственности и т.д.¹.

В японском криминальном праве понятие «правонарушение» имеется лишь на теоретическом уровне, т.к. его законодательная дефиниция наличествует. Тем не менее, о двух и, пожалуй, самых существенных признаках правонарушения сообщается в ст. 39 Конституции Японии. В данной норме заявляется о том, что никто не может быть привлечен к криминальной ответственности за действие, которое было легальным в момент его совершения либо в совершении которого он был обелён.

В теории криминального права Японии имеется однозначное понимание того условия, что правонарушение представляет собой, преимущественно, действие («то, что не является действием, не является правонарушением»). Именно поступок является «предпосылкой» для присутствия и анализа «обстоятельств» (признаков) правонарушения. К неперенным составляющим действия японские ученые причисляют осмысленность поведения человеком (способность человека соображать характер своих поступков) и вероятность свободного предпочтения в отношении подобного поведения.

Идя из содержания норм Особой части УК Японии (далее - УК), следует, что поступки подразделяется на действие (энергичное поведение) и инертность (бездеятельное поведение). К примеру: такие правонарушения, как убийство (ст. 199 УК), воровство (ст. 235 УК), совершаются путем принятия энергичных действий, а правонарушения, предусмотренные гл. 30 УК (Оставление на произвол судьбы), представляют собой бездеятельное поведение.

¹Липинский Д.А. Общественная опасность правонарушения в научных и законодательных определениях России и зарубежных стран // Вопросы безопасности. – 2015. – № 3. – С. 24–44.

Криминальные мысли, настроения, ставший известным окружающим замысел произвести правонарушение по японскому криминальному законодательству не влекут криминального гонения. В данном случае отображается фундаментальное положение римского права о том, что «никто не несет ответственность за мысли». Также не являются криминальными несчастные случаи, начинающиеся при рефлекторных или интуитивных поступках.

На незаконности (противоправности) как признаке правонарушения сосредоточивает внимание Конституция Японии: все действия, произведенные с нарушением функционирующего криминального законодательства, являются незаконными и подлежат уголовно-правовой оценке. Об этом же говорит и ст. 35 УК - деяние, сделанное в соответствии с законодательством или в реализации правомерного занятия, ненаказуемо.

Для определения в действии признаков незаконности нужно, чтобы оно оказывалось под «обстоятельства» состава правонарушения. Наречённые обстоятельства представляют собой совокупность предусмотренных криминальным законом и устоявшихся в уголовно-правовой науке объективных и субъективных примет, характеризующих действие как правонарушение.

Кроме того, для признания действия противоправным нужно, чтобы в нем отсутствовали основы, выключающие уголовную ответственность. Об указанных началах заявляется в ст. 36 УК (Правомерная оборона и превышение ее границ) и в ст. 37 УК (Очень нужные деяния для избегания опасности и превышения их границ). Вместе с тем, не надлежит забывать и те действия, которые формально отвечают обстоятельствам состава правонарушения, но в силу подтверждения закона являются правомерными (ст. 35 УК). В качестве образца подобных действий японские ученые приводят случаи, когда осуществляется смертельный вердикт, реализовывается

правомерное взятие под стражу сотрудниками полиции и т.д. Признак «соответствие обстоятельствам состава правонарушения» напрямую объединён с противозаконностью действия¹.

2.3 Практические проблемы определения признаков преступления

Степень общественной опасности – это показатель, который, согласно всё тому же указанию, который определяется в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от размера вреда и тяжести наступивших последствий, степени осуществления преступного намерения, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, наличия в содеянном обстоятельстве, влекущих более строгое наказание в соответствии с санкциями статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. То есть, степень общественной опасности правонарушения, если экстраполировать это суждение на общую теорию права, зависит от всех иных обстоятельств совершённого правонарушения и личности правонарушителя, которые не влияют на характер общественной опасности.

Необходимо проанализировать в настоящей работе изменение правовой позиции Верховного Суда РФ по данному вопросу, произошедшее в самом конце 2015-го года. 22 декабря 2015-го года Пленум Верховного Суда РФ принял Постановление «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» № 58². В этом постановлении Пленум определяет характер и степень общественной опасности деяния в связи с тем, что уголовный закон требует назначение справедливого наказания, а

¹Иванисов А.В. Признаки преступления в уголовном праве Японии // Общество и право. – 2013. – № 3. – С. 111–113.

²Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания от 22.12.2015 №» 58// Российская газета. – 2015. – 29 декабря. – № 295.

«согласно ст. 6 УК РФ справедливость наказания заключается в его соответствии характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного» (абз. 2 пп. 1 указанного Постановления). А справедливость наказания, в соответствии с предшествующим абзацем этого же Постановления, находится в тесной взаимосвязи со строго индивидуальным подходом к назначению наказания, а также способствует решению задач и достижению целей, стоящих перед УК РФ. Все это подчеркивает важность определения содержания понятий «характер общественной опасности» и «степень общественной опасности», а также необходимость в отслеживании того, как же именно изменилась в этом отношении правовая позиция ВС РФ, а также в предположении возможных причин такого изменения.

«Характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом ценности и причиненный им вред»^[12]. Как видим, в отличие от предшествующего постановления, здесь Верховный Суд ставит характер общественной опасности в зависимость от того, на какие ценности посягает деяние и в какой мере. Другими словами, высший судебный орган РФ отказался от использования понятия «объект преступления», а конкретизировал, что имеются в этом случае ввиду охраняемые уголовным законом ценности, видимо, вследствие дискуссионности первого понятия в теории и отсутствия в уголовном законе. Отказался ВС РФ и от связи характера общественной опасности с категорией преступлений, по причине, как думается, расширения в 2011-м году судебского усмотрения, когда суды получили право в силу введенной в действие 16-го декабря 2011-го года ч. 6 ст. 15 УК РФ понижать категорию

преступления в соответствии с реально назначенным подсудимому наказанием, что лишило категории преступлений былой жесткости и категоричности, сделало их более неопределенными и, следовательно, эта классификация запрещенных под угрозой уголовного наказания деяний стала не вполне подходящей для качественной характеристики их общественной опасности. Вместо этого Верховный Суд РФ указал, что характер общественной опасности определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления, т.е. произошел переход к более универсальной но, вместе с тем и более абстрактной формулировке. Отказался ВС РФ и от связи характера общественной опасности с формой вины, как это было в предыдущем постановлении. Таким образом, на сегодняшний день в соответствии с правовой позицией Верховного Суда РФ, характер общественной опасности деяния – это такой её показатель, который определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления, и в первую очередь – от объекта посягательства и причиненного ему вреда. Качественная характеристика общественной опасности приобрела в большей степени объективный характер и поставлена фактически в зависимость от того, на что посягает деяние, а также в каком объеме.

Однако, анализ понимания Верховным Судом РФ количественной характеристики общественной опасности заставляет несколько уточнить содержание её качественного показателя. «Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность). Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание (статьи 61 и 63 УК РФ) и относящиеся к совершенному преступлению (например, совершение

преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания, особо активная роль в совершении преступления), также учитываются при определении степени общественной опасности преступления». Сопоставление перечня элементов, включаемых ВС РФ в состав характера общественной опасности и степени общественной опасности, позволяет говорить о том, что из элементов состава преступления на характер общественной опасности влияет лишь объект преступления, а также такой показатель, как причиненный объекту вред. При этом, возникает сложность в разграничении указанного показателя с включаемыми в состав степени общественной опасности характером и размером наступивших последствий.

Как показывает кассационная практика, судами области при применении к осужденным условного осуждения не всегда учитываются в полном объеме требования ч. 2 ст. 73 УК РФ, согласно которым при назначении условного осуждения суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного, в том числе смягчающие и отягчающие обстоятельства.

Так, судебной коллегией по уголовным делам отменен приговор районного суда в отношении Л., дело направлено на новое рассмотрение. Л. был осужден по ч. 3 ст. 158 УК РФ к 3 годам лишения свободы без штрафа, в силу ст. 73 УК РФ условно с испытательным сроком в 2 года. При применении ст. 73 УК РФ суд первой инстанции оставил без внимания и оценки то обстоятельство, что в действиях осужденного усматривается опасный рецидив преступлений, осужденный не занят общественно-полезным трудом, состоит на учете с диагнозом опийная наркомания.

В другом случае, судом кассационной инстанции отменен приговор городского суда в отношении В. Суд первой инстанции недостаточно оценил характер общественной опасности совершенного преступления, обстоятельства его совершения, данные о личности. В. была осуждена по ст. 159 ч. 2 УК РФ, преступление связано с жилищным вопросом, разрешение которого для потерпевшей являлось крайне важным. Однако судом оставлено

без внимания и оценки то обстоятельство, что материальный ущерб не возмещен в течение длительного времени, отсутствие средств не позволяет потерпевшей приобрести недвижимость с 2005 года¹.

Единственное объяснение, приемлемое при различении указанных характеристик – применительно к степени общественной опасности речь идет о последствиях как признаке состава преступления, касательно же характера общественной опасности говорится о вреде, причиненном объекту преступления, не ограниченном составом преступления, а включающем всё негативное, что несет совершенное деяние охраняемым законом ценностям. В юридической литературе указанные понятия (последствия, вред, результат) аргументированно разграничиваются. С.В. Землюков, например, пишет, характеризуя преступный вред, что данному феномену присущи два признака:

1) это конструктивный, системообразующий элемент преступного деяния, состоящий из вредного изменения объекта посягательства и являющийся основным объективным показателем его общественной опасности (социальной вредности);

2) обязательный признак состава преступления, влияющий на квалификацию преступления и индивидуализацию ответственности.

Разумно предположить, что Пленум ВС РФ применительно к характеру общественной опасности имеет ввиду первый аспект преступного вреда, а применительно к степени – второй, именуя вред последствиями.

Помимо сказанного можно отметить, что Верховный Суд РФ перенес субъективный признак преступления в степень общественной опасности, причем, если ранее характер общественной опасности деяния зависел в т.ч. от формы вины, то ныне степень общественной опасности определяется видом

¹Справка по результатам обобщения практики назначения наказания районными и городскими судами Челябинской области (по итогам изучения кассационной практики первого полугодия 2015 года) // [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.chel-oblsud.ru>

вины. Следует отметить, что если соотношение между умыслом и неосторожностью с т.з. большей или меньшей их опасности более-менее ясно и определено в теории юриспруденции, то с соотношением видов форм вины не все настолько ясно и понятно, кроме того, при формулировке категорий преступлений о видах вины речь не ведется, а указываются именно формы вины. Тем не менее, определенность позиции высшего судебного органа России в новом постановлении стала более ощутимой, нельзя отрицать, что совершенству нет предела, и далеко не все, что хорошо выглядит в теории, будет приемлемо работать при регулировании конкретных общественных отношений. В частности, положительно можно оценить включение ВС РФ смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, указанных в ст. 61 и 63 УК РФ, поскольку на характер общественной опасности они оказывают влияние только тогда, когда выступают конституирующими или квалифицирующими обстоятельствами, да и то не всегда, в иных же случаях, влияя на индивидуализацию наказания, вряд ли есть смысл говорить об определении характера общественной опасности деяния.

Таким образом, на сегодняшний день характер общественной опасности деяния как её качественный показатель, зависит от объекта уголовно-правовой охраны и вреда, причиняемого (причиненного) этому объекту. Степень общественной опасности деяния как её количественный показатель, определяется всеми остальными обстоятельствами совершения этого деяния, в т.ч. теми, которые перечислены в законе как смягчающие и отягчающие наказание. По сути, такой подход позволяет вести речь о сходстве по характеру общественной опасности между преступлениями, административными и налоговыми правонарушениями, и о различии между ними – с одной стороны, и дисциплинарными проступками, гражданско-правовыми деликтами – с другой, ввиду принципиальной разницы в объектах охраны. Но общественной опасностью обладают они все, поскольку

причиняют вред охраняемым законом ценностям, или создают угрозу причинения такого вреда.

Наиболее сложной для установления и доказательства является субъективная сторона состава преступления, составной частью которой и является вина. В каждом конкретном случае необходимо правильно установить именно ту форму вины, которая предусмотрена уголовным законом.

Вина - это психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию и его последствиям. Вине присущи интеллектуальные и волевые характеристики, определенные в ст. ст. 25, 26 УК РФ. Форма вины в ряде случаев является основанием для выделения глав в Уголовном кодексе РФ, видов умысла или определяет квалификацию преступления¹.

В. С. Глушков отмечал, что нередко в практике возникают затруднения при отграничении убийства (ст. 105 УК) от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК)².

Так, С. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, к лишению свободы на срок 9 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. Прокурор в апелляционном представлении указывал, что действия С. необходимо квалифицировать по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Судебная коллегия отменила приговор и вынесла новый по следующим основаниям. Из материалов уголовного дела следует, что С. пришел в гости к Б., где они распивали спиртные напитки. Между ними произошла ссора, в ходе которой С. с большой силой нанес Б. удары ножом в область расположения жизненно важных органов - в грудную клетку. После

¹Агачева А.В. проблема вины в уголовном праве России // Марийский юридический вестник. – 2016. – № 2. – С. 89-91.

²Глушков В. С., Габдрахманов Ф. В. Право и суд в контексте истории и современности / под общ. ред. О. В. Глушко-вой. – Йошкар-Ола: ООО «Стринг», 2008. – С. 88.

этого С. ушел к соседям. Как видно из показаний Г., данных на предварительном следствии, С. заходил к нему и говорил, что «зашиб» Б. и за ним должны «прийти». Когда С. задержали, он в первую очередь спросил оперуполномоченного: «Умер или нет?». Судебно-медицинская экспертиза подтвердила наличие повреждений на теле Б., в том числе колото-резаной раны на спине глубиной 12-14 см. Судебная коллегия квалифицировала действия С. по ч. 1 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации¹.

О. обвинялась в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ. В судебном заседании установлено, что О. в ходе ссоры с сожителем Г., высказывая угрозу убийством, нанесла ему молотком по голове множество ударов, причинив легкий вред здоровью. По мнению органов предварительного расследования, О., имея прямой умысел на убийство Г., используя молоток как орудие убийства, не довела свой преступный умысел до конца по независящим от неё обстоятельствам, так как в ходе нанесения ударов по голове Г. рукоятка молотка сломалась, и в дальнейшем потерпевшему была оказана своевременная квалифицированная медицинская помощь. По окончании исследования представленных сторонами доказательств государственный обвинитель посчитал, что обвинение подсудимой в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 105 УК РФ, не доказано и просил квалифицировать ее действия по ч. 1 ст. 115 УК РФ и ч. 1 ст. 119 УК РФ. Постановлением суда уголовное дело в отношении О. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ, прекращено ввиду отсутствия заявления потерпевшего, а

¹Апелляционный приговор судебной коллегии по уголовным делам по делу № 22-8332/2014 от 29 сентября 2014 года Свердловского областного суда // Бюллетень судебной практики по уголовным делам Свердловского областного суда. – 2014. – № 41.

по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ, за примирением сторон¹.

Как указывалось, одним из признаков преступления является его наказуемость. Признак уголовной наказуемости деяния означает не только наличие в уголовном законе санкции за совершение преступления (отсутствие таковой было бы весьма странным), но и принципиальную возможность подвергнуть лицо уголовному наказанию как наиболее репрессивному виду государственного принуждения. Уголовно-правовые предписания могут быть признаны обоснованными только как последнее средство, если менее репрессивные средства (гражданско-правовые или публично-правовые) не обеспечивают эффективную защиту правовых благ. То есть признак наказуемости свидетельствует о том, что деяние достойно именно уголовного наказания, а не, например, административного. Так, убийство предполагает умышленное лишение другого человека жизни. Назначение за такое деяние наказания в виде лишения свободы вполне понятно с учётом общественной опасности деяния и деятеля. Применение в данном случае административных санкций, например, предупреждения, было бы явно несоразмерным. Такой взгляд на признак наказуемости вполне сочетается с подходами в зарубежном уголовном праве, где нередко понятие преступного деяния определяется через данный признак. Так, например, в Германии название отрасли уголовного права буквально переводится как «наказательное» право, или право наказания, в основе которого лежит именно идея наказания². Границы преступного деяния также определяются через вид и размер наказания - за проступки назначается штраф или лишение свободы до 1 года, за преступления - лишение свободы свыше 1 года. Как отмечается немецкими

¹Обобщение практики рассмотрения городскими (районными) судами Ленинградской области уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 105 и ч. 4 ст. 111 УК РФ, рассмотренных в 2012 году // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oblsud.lo.sudrf.ru/>

²Наумов А.В. Российское уголовное право. Учебник. – М.: Волтерс клувер, 2008. – С. 66.

исследователями, определяющим для природы уголовно наказуемого деяния является не наказание, примененное в конкретном случае, а наказание, абстрактно угрожающее в пределах санкции, предусмотренной уголовным законом.

Этимология названия отрасли уголовного права предполагает восхождение к наказанию в виде смертной казни - ответственности головой. Таким образом, само название отрасли через вид наказания очерчивало круг деяний, на которые распространяли действие её нормы. Данный признак является не менее существенным и материальным, нежели признак общественной опасности, который использует отечественный УК.

В характере и размере наказания выражается оценка государством степени общественной опасности совершенного преступления. Поэтому наказуемость выступает материальным признаком преступления, который может использоваться для отграничения соответствующих деяний от иных видов правонарушений, не достойных столь суровых последствий. Следует отметить, что наказуемость не может быть отождествлена с общественной опасностью, поскольку последняя присутствует в ненаказуемых по уголовному праву, но вместе с тем общественно опасных деяниях, прежде всего совершаемых невменяемыми лицами. Анализируемый признак преступления может быть рассмотрен применительно к действующей редакции УК РФ. В настоящее время наиболее мягким наказанием по УК является штраф, который может быть назначен в размере от 2 500 рублей (ч. 2 ст. 46 УК РФ). Именно эта сумма, по мнению законодателя, определяет границу между преступлениями и иными правонарушениями. Подобный подход не выдерживает никакой критики, если учесть, что КоАП РФ допускает не только штрафы в гораздо больших размерах до 50 000 рублей в отношении должностных лиц и до 5 тысяч рублей в отношении граждан, которые не являются должностными лицами (ч. 1 ст. 3.5 КоАП РФ), но и

такую санкцию, как административный арест на срок до 15 суток, а в некоторых случаях и до 30 суток (ч. 1 ст. 3.9 КоАП РФ). Административный арест представляется куда более репрессивной мерой, нежели уголовное наказание в виде штрафа в 2 500 рублей.

Вывод один - необходимо провести разграничение административных правонарушений и уголовных преступлений более четко, исключить из УК РФ составы преступлений, за совершение которых предусматриваются менее репрессивные наказания, нежели закрепленные в КоАП РФ. Кроме того, следует разграничить размеры наказаний, предусмотренные УК и КоАП РФ. Так, КоАП РФ мог бы предусматривать штраф в размере до 100 000 рублей и административный арест до 15 суток, а УК - штраф от 100 000 рублей или лишение свободы на срок свыше 15 суток. Следует оговориться - подобные критерии могут использоваться при условии, что штраф в размере от 100 000 рублей будет нами рассматриваться как более суровое наказание, нежели административный арест до 15 суток.

Но даже при таком размежевании ответственности по криминальному и иным отраслям права остается нерешённым вопрос - по какой шкале «измеряют» и отграничивают административные и прочие правонарушения от уголовных преступлений. Мы полагаем, что в любом случае эти границы являются в известной степени условными. Содержание признака наказуемости, равно как и общественной опасности, не поддается какому-то точному расчету. Но наиболее значимым фактором, который влияет напрямую на содержание данного признака, является культурный фактор, поскольку уголовное право представляет собой культурный феномен. Поэтому «дозволенные» границы применения наказания, его содержание определяются системой культурных ценностей. Именно культурные ценности обуславливают систему уголовных наказаний. Поскольку преступление представляет разновидность девиантного поведения, уголовное наказание в

содержательном плане может рассматриваться как негативное воздействие на преступника в целях исправления его деформированной системы ценностных ориентаций, а также как удовлетворение потребности общества в адекватном преступлению возмездии в отношении преступника и воздействие на само общество в целях устрашения его неблагонадежных членов. Для того чтобы воздействие было адекватным, необходимо соотношение его содержания и объёма с существующими культурными ценностями. Поэтому построение системы уголовных наказаний, определение характера и степени репрессивности уголовно-правовых санкций осуществляются исходя из существующих культурных реалий. Так, если мы сравним любую систему уголовных наказаний, ранее существовавшую в России, и современную систему наказаний по отечественному уголовному праву, то должны будем признать, что разница между ними в значительной степени объясняется различиями, существующими в системе культурных ценностей. Вряд ли, например, в XVII веке кого-то в России шокировала публичная смертная казнь путем отрубания головы преступнику или колесование, другие квалифицированные виды смертной казни. Нужно признать, что при тех обстоятельствах иной подход к проблеме противодействия преступности был бы неактуален. То есть применение уголовного наказания не обеспечило бы достижения поставленных перед ним целей. В наше же время подобные наказания расценивались бы как явно негуманные, жестокие и бесчеловечные, их применение самым негативным образом отразилось бы на эффективности уголовной политики. Аналогичное сравнение напрашивается и в отношении применения смертной казни в современном мире. Так, очевидно, что разные оценки в допустимости этого наказания, которые имеются, например, в европейских странах и в Китае, также объяснимы различиями в культурном плане. Отношение общества к наказанию, формируемое на основе господствующих в культуре ценностей, напрямую отражается на характере и

содержании уголовного наказания. Всякое изменение системы уголовных наказаний, их содержания возможно только при тщательном сопоставлении этого изменения с культурными ценностями. Поэтому, например, обоснованное решение вопроса об окончательной отмене смертной казни в России может быть принято только после того, как будет установлено несоответствие данного уголовного наказания системе культурных ценностей, существующей в современной России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставляя нормы русского и зарубежного уголовного права по изучаемому вопросу, можно отметить, что к началу XX в. уровень развития уголовного права наиболее развитых государств был приблизительно одинаков. Следует подчеркнуть, что вместе с эволюцией общества и переходом от одной социально-экономической формации к другой (родовые отношения, рабовладельческая, затем феодальная формации, далее последовали буржуазные отношения) и в России, и за рубежом наблюдается изменение и в понятии преступления.

Необходимо заключить, что в конце XX в. российской наукой уголовного права и законодательной практикой выработано достаточно приемлемое понятие преступления, не лишенное недостатков, однако являющееся «рабочим». При этом необходимо отметить его значительную схожесть с определениями, даваемыми в уголовных законах и доктрине уголовного права в конце XIX в.

Основным показателем, определяющим степень общественной опасности совершенного деяния, является причиненный вред. Величина причиненного вреда позволяет отграничивать преступления и другие правонарушения.

По вопросу разграничения преступления и проступков в зарубежной теории сложилось два направления: одни находят качественное различие между преступлениями и проступками, другие видят лишь чисто количественное или внешнее различие.

На данный момент исследователи не пришли к единому мнению касательно природы малозначительности деяния в уголовном праве. Некоторые называют малозначительность одним из обстоятельств, исключающих ответственность, другие, напротив, считают этот институт основанием освобождения от ответственности.

На наш взгляд, нормы о малозначительности больше тяготеют к основаниям освобождения от юридической ответственности. Представляется,

что при малозначительности деяния нецелесообразно привлекать лицо к уголовной ответственности, однако возможность привлечения его, например, к ответственности административной в этом случае не должна ставиться под сомнение. На осуществление функций юридической ответственности такие действия скажутся положительно. Таким образом, «освобождение от юридической ответственности не должно превращаться в безнаказанность.

Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания (ч. 1 ст. 14 УК РФ).

Выделяются следующие признаки преступления: общественная опасность (способность деяния причинить вред охраняемым уголовным законом интересам, характер общественной опасности определяется направленностью деяния против того или иного объекта, размером ущерба, причиненного преступлением, формой вины, при которой совершается деяние и в конечном счете выражается в санкции УК РФ), противоправность (юридическое выражение общественной опасности в уголовном законе (запрещенность деяния под страхом уголовного наказания)), виновность (психическое отношение к совершаемому им деянию, его общественной опасности и вредным последствиям, виновность характеризует внутреннее отношение человека к совершаемому им преступлению, являясь проявлением его сознания и воли), наказуемость (наказуемость деяния по одной из статей УК РФ).

При отсутствии указанных признаков деяние не может быть признано преступлением.

Что касается определения понятия преступления в зарубежных странах, то преобладают определения, в которых на первый план выдвигается формальный признак - запрещенность деяния нормами уголовного права.

В английском и американском уголовном праве не выработано какого-либо единого определения преступления, поэтому и не существует какой-либо единой системы признаков такового. Положение усложняется еще и тем, что

каждый из признаков преступления толкуется по-разному. Нормативные определения в настоящее время существуют, например, в ФРГ, Испании, Нигерии и некоторых других государствах. Такие определения носят формальный характер и помещаются в разделы о толковании терминов. Что касается доктринальных определений, то они отличаются большим многообразием.

Исходя из проведённого исследования, на наш взгляд, в российской правовой науке выработано гораздо более совершенное и точное определение преступления, чётко выработаны признаки преступления, что также отсутствует в зарубежной уголовно-правовой науке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Раздел 1 Нормативные правовые акты и иные официальные акты

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
2. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – 17 июня. – № 25. – Ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 31 декабря. № 256.

Раздел 2 Литература

4. Агачева, А.В. проблема вины в уголовном праве России / А.В. Агачева // Марийский юридический вестник. – 2016. – № 2. – С. 89–91.
5. Винокуров, В. В. Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы / В.В. Винокуров // СПС Консультант плюс, 2017.
6. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Р-н-Д., 1995. – 640 с.
7. Вопросы государства и права во французской буржуазной революции XVIII в. – М., 1940. – 215 с.
8. Всеобщая история государства и права: Учеб. пособие / Под ред. К.И. Батыра. – М., 1993. Ч. 1. – 496 с.
9. Глушков, В.С. Право и суд в контексте истории и современности / под общ. ред. О. В. Глушковой. – Йошкар-Ола: ООО «Стринг», 2008. – 750 с.

10. Гогин, А.А. Общая концепция правонарушений: проблемы методологии, теории и практики: автореф... дисс. Д-ра юрид. наук. – Казань, 2011. – 26 с.
11. Гонтарь, И.Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве: Вопросы теории и правотворчества / И.Я. Гонтарь. – Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 1997. – 200 с.
12. Епифанова, Е.В. Теория преступления в российском и зарубежном законодательстве: Монография / Под ред. Н.А. Лопашенко. Краснодар: Кубанский гос. Ун-т, 2007. – 137 с.
13. Захер, Я.М. Французская революция в документах. 1789–1794 / Я.М. Захер. - Л., 1926. – 379 с.
14. Иванисов, А.В. Признаки преступления в уголовном праве Японии / А.В. Иванисов // Общество и право. – 2013. – № 3. – С. 111-113.
15. Исаев, И.А. История государства и права России: Полный курс лекций / И.А. Исаев. – М.: Юрист, 2004. – 797 с.
16. История государства и права СССР: Учебник. Ч.1./ Под ред. О.И. Чистякова, И.Д. Мартысевича. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1985. – 280 с.
17. Кистяковский, А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права / А.Ф. Кистяковский. Т.1. Общая часть. – Киев, 1875. – 892 с.
18. Крылова Н.Е. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). Учебное пособие / Н.Е. Крылова, А.А. Серебренникова. – М.: Зерцало, 1997. – 192 с.
19. Куликов, Е.А. Общественная опасность как главный признак правонарушения / Е.А. Куликов // Юридические исследования. – 2016. – № 1. – С. 18-48.
20. Лазарева, В.А. Доказывание в уголовном процессе: учеб.–практич. Пособие / В.А. Лазарева. — М.: Юрайт, 2011. – 343 с.
21. Липинский, Д.А. Общественная опасность правонарушения в научных и законодательных определениях России и зарубежных стран / Д.А. Липинский // Вопросы безопасности. – 2015. – № 3. – С. 24-44.

22. Лукин, Н.М. Новая история в документах и материалах / Н.М. Лукин, В.М. Далин. – М., 1935. Вып. 1. – 50 с.
23. Лясс, Н.В. Нормативная теория в современном буржуазном уголовном праве / Н.В. Лясс. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – 78 с.
24. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций / А.В. Наумов. – М.: Бек, 1996. – 560 с.
25. Общая теория права и государства: Учебник для вузов / под ред. В.С. Нерсесянц. – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 560 с.
26. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик. – М., 1983. – С.277.
27. Плаксина, Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: монография / Т.А. Плаксина. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2006. – 432 с.
28. Познышев, С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права / С.В. Познышев. – М., 1912. – 668 с.
29. Прокументов, Л.М. Криминализация и декриминализация деяний Л.М. Прокументов. – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2012. – С. 218–223.
30. Рагозина, И.Г. Квалификация при малозначительности деяния: вопросы теории и практики / И.Г. Рагозина, В.В. Бражников // Вестник Омской юридической академии. – 2016. – № 1. – С. 42–46.
31. Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента (1792–1794). – М., 1927. – 456 с.
32. Рогов, В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV – XVII вв. / В.А. Рогов. – М.: Юристъ, 1995. – 288 с.
33. Рогова, Е.В. Уголовный проступок в системе дифференциации уголовной ответственности / Е.В. Рогова. – Иркутск, 2011. – 117 с.
34. Рогова, Е.В. Малозначительность деяния в зарубежном и российском уголовном законодательстве / Е.В. Рогова // Научный вестник Омской академии МВД России. -2012. – № 4 (47). – С. 44 – 48.

35. Российское законодательство X – XX веков: Законодательство периода становления абсолютизма. В 9-ти томах. Т. 4 / Под общ. ред.: Чистяков О.И. – М.: Юрид. лит., 1986. – 512 с.
36. Скворцова, Ю.С. Проблемы эффективности уголовного наказания в борьбе с преступностью / Ю.С. Скворцова // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. XLVII междунар. науч.–практ. конф. № 3(45). – Новосибирск: СибАК, 2015. – С. 97–101.
37. Токарева, А.А. Виновность в уголовном процессе / А.А. Токарева, Г.С. Максименко // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). — Казань: Бук, 2016. — С. 251–254.
38. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: Учеб. пособие / Под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Омега – Л, ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2003. – 576 с.
39. Уголовное право России. Общая часть / под ред. В.П. Ревина. М.: Юстицинформ, 2010. – 496 с.
40. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. В. С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М., 2012. – 878 с.
41. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / под ред. П. А Лупинской. – 2-е изд., перераб. и доп. –М.: Юрист, 2010. – 591 с.
42. Уголовный кодекс Австрии. – М., 2001. – 148с.
43. Уголовный кодекс Литовской Республики. – СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2003. – 470с.
44. Уголовный кодекс Республики Беларусь. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 496с.
45. Уголовный Кодекс республики Болгария. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 298с.
46. Уголовный кодекс Республики Молдова.-СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 448с.

47. Уголовный кодекс Республики Польша. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.– 234с.
48. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.– 410с.
49. Уголовный кодекс РСФСР. С изменениями и дополнениями, опубликованными на 1 января 1994 г. – Челябинск, 1994.– 400с.
50. Уголовный Кодекс Федеративной Республики Германии. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 576с.
51. Уголовный кодекс Франции. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 648с.
52. Уголовный Кодекс Швейцарии. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 350с.
53. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. —М. :Юрайт,2016. – 555 с.
54. Хамтаху, Р.Ш. Общественная опасность и малозначительность деяния в уголовном праве: проблемы толкования и юридические закрепления / Р.Ш. Хамтаху // Общество и право. – 2015. – № 2. – С. 37–40.
55. Хрестоматия по истории отечественного государства и права, 1917 – 1991 гг. / Под ред.: Чистяков О.И. – М.: Зерцало, 1997. – 592 с.
56. Цепелев, В. Малозначительность деяния в судебной практике и интересы потерпевшего / В. Цепелев, Н. Мартыненко // Уголовное право. – 2012. – № 3. – С. 71–74.

Раздел 3 Постановления высших судебных инстанций и материалы судебной практики

57. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (статьи 253, 256 УК РФ)» от 23 ноября 2010 г. № 26// Российская газета. – 2010. – 01 декабря. – № 5350.

58. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» от 22.12.2015 № 58// Российская газета. – 2015. – 29 декабря. – № 295.
59. Апелляционное постановление по делу № 10-1161/2015 от 16 марта 2015 года Челябинского областного суда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bsa.chel-oblsud.ru>
60. Кассационное определение по делу № 22–208 от 08 февраля 2012 года Судебной коллегии Смоленского областного суда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>
61. Кассационное определение по делу № 22–595 от 06 июля 2011 года Судебной коллегии Псковского областного суда [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://rospravosudie.com>
62. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за I квартал 2011 года по уголовным делам // официальный сайт Верховного суда Российской Федерации.
63. Апелляционный приговор судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 29 сентября 2014 года по делу № 22–8332/2014 // Бюллетень судебной практики по уголовным делам Свердловского областного суда. – 2014. – № 41.
64. Обобщение практики рассмотрения городскими (районными) судами Ленинградской области уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 105 и ч. 4 ст. 111 УК РФ, рассмотренных в 2012 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://oblsud.Lo/>
65. Обзор судебной практики Челябинского областного суда за первый квартал 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.chel-oblsud.ru/>
66. Обзор судебной практики Челябинского областного суда за первый квартал 2014 года Определение по делу № 22–1377/2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bsa.chel-oblsud.ru>

67. Справка по результатам обобщения практики назначения наказания районными и городскими судами Челябинской области (по итогам изучения кассационной практики первого полугодия 2015 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chel-oblsud.ru>
68. Дело № 22–1482/2014 Советского районного суда г. Челябинска // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sovetsky.chel.sudrf.ru/>.
69. Дело № 22-16/2012 Приютненского районного суда Республики Калмыкия // [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.priyutninsky.kalm.sudrf.ru/>
70. Дело № 1-51/2011 Русско-Полянского районного суда Омской области // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rus-polcourt.oms.sudrf.ru/>